

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

ВРЕМЯ СУТОК И ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обоим авторам статьи приходилось отмечать про себя некоторую неуместность приветствия «Доброе утро!», с которым многие западные слависты, даже хорошо знающие русский язык, обращаются к своему коллеге из России, встречая его на работе до полудня. Как мы постараемся показать, эта неуместность вызвана не просто различием в употреблении этикетных формул, но коренится непосредственно в значении слова *утро*.

Часто обращают внимание на то, что границы между временами суток не совпадают в представлении носителей разных языков. Так, для говорящих на английском или французском языке утро (*morning, matin*) — это часть суток от полуночи до полудня (ср. англ. *one in the morning*, франц. *une heure du matin*); для носителей русского языка время, непосредственно следующее за полуночью, — это ночь, а не утро, ср. *час ночи, два часа ночи*, но не: **час утра, *два часа утра*. Однако такого рода поверхностными различиями специфика представлений о времени не исчерпывается. Чрезвычайно важной, на наш взгляд, является та особенность русской языковой картины мира, что в ней языковое обозначение времени суток в значительной степени определяется деятельностью, которая его наполняет. Обоснованию этого тезиса и посвящена настоящая статья.

Данные русского языка позволяют восстановить соответствующий фрагмент языковой картины мира следующим образом. День заполнен деятельностью; утро начинает дневную деятельность, а вечер кончает; ночь — это как бы «провал», перерыв в деятельности. Ночью нормально человек спит; утро для человека наступает, когда он просыпается после ночного сна.

Если же человек ночью не спал, то утро наступает, когда просыпаются окружающие люди (или природа) и вокруг возобновляется жизнь.

Представление об утре как о начале дня (а о вечере как о конце) отражено в метафорах, связанных со словами *утро* и *вечер*. Так, в стихотворении Пушкина «Телега жизни» выражение *с утра* отсылает к молодости (началу жизни), а *под вечер* — к старости (концу):

...

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!.....

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшной
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит попрежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

Впрочем, это представление не является специфичным для русского языка. Та же метафора использована, например, в знаменитой загадке, загаданной Сфинксом Эдипу: «Кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером — на трех?».

Связь утра с идеей начала, а вечера — с идеей конца проявляется в сочетаемости соответствующих слов русского языка. Мы говорим *рано утром*, *поздно вечером*, *поздно ночью*, но не говорим **рано днем*, **рано ночью*. По-видимому, дело в том, что параметры 'рано' и 'поздно' применяются к суткам в целом, а не к отрезкам, обозначаемым словами *утром*, *вечером*, *ночью*. Сами наречия *рано* и *поздно* имеют при этом особое значение: 'в начале' и 'в конце' — а не 'раньше нормы' и 'позже нормы', как при независимом употреблении (ср.: *Он рано начал говорить*, *поздно женился*, *рано умер*; *Он лег спать рано*, а *проснулся поздно* понимается как то, что он лег спать вечером раньше, чем обычно ложатся, а проснулся утром позже, чем обычно просыпаются). Итак, *рано утром* значит 'в самом начале (дня)', а *поздно вечером* и *поздно ночью* — 'в самом конце (дня или суток)'. Наоборот,

сочетания *рано вечером* и *поздно утром*, использованные, например, в стихотворении Л. Мартынова «Первый снег», звучат странно и находятся на грани допустимости:

Ушел он рано вечером,
Сказал: «Не жди. Дела...»

...

Вернулся поздно утром он
В двенадцатом часу...

Прилагательные *ранний* и *поздний* в этом же значении обладают более свободной сочетаемостью:

- (1) Я в этот день почти не обедал и с *раннего вечера* просидел у одного инженера (Дост., БАС).
- (2) *Поздним утром*, когда... над избами столбами поднимался лиловый дым, в деревню ворвались пять троек с колокольчиками (Гладк., БАС).

Прилагательные *ранний* и *поздний* имеют те же два значения, что и наречия *рано* и *поздно*: 'наступивший раньше/позже нормы' и 'начинающийся'/'приближающийся к концу'. При этом здесь имеется определенный параллелизм в обозначении трех типов временных циклов: сутки, год и человеческая жизнь. В первом значении ('наступивший раньше/позже нормы') прилагательные *ранний* и *поздний* сочетаются с обозначением любого события, приуроченного, в нормативной картине мира, к определенному времени суток, времени года или возрасту. Так, *поздний ужин* означает ужин, происходящий позже некоторого нормального для ужина времени дня, *ранние холода* — холода, наступившие в этом году раньше обычного, *ранний брак* — вступление в брак раньше того возраста, когда люди обычно женятся, и т. д. Прилагательные *ранний* и *поздний* в этом значении могут применяться также к временам года и к жизненным фазам, ср.: *ранняя старость* (старость, наступившая раньше положенного срока), *поздняя весна* и т. п. В сочетаниях типа *раннее прощанье* или *поздние слова* имеется в виду несоответствие некоторому предполагаемому или желаемому сроку (вместо нормы выступает соотношение с некоторым другим событием).

В значении 'начинающийся'/'приближающийся к концу' прилагательное *ранний* сочетается со словами *утро*, *весна*, *детство*, *молодость*, а *поздний* — со словами *вечер*, *ночь* и *осень* (о сочетаниях *ранний вечер* и *позднее утро* см. выше; вместо *поздняя*

старость по-русски говорят *глубокая старость*, а сочетания *глубокая ночь* и *глубокая осень* существуют наряду с *поздняя ночь* и *поздняя осень*). Слова *день*, *лето* и *зрелость* не сочетаются ни с тем, ни с другим прилагательным: во всех трех временных циклах этот срединный этап концептуализируется как «плато», т. е. как нечто статическое, неизменное на всем своем протяжении, неградуируемое — в отличие от «начальных» (утро, весна, молодость) и «конечных» (вечер, осень, старость) этапов.

Характерны также сочетания с *самого утра* (ср. с *самого начала*) и *до самого вечера*, *до самой ночи* (ср. *до самого конца*); *до самого утра* значит 'до начала следующего дня' — поскольку, как мы постараемся показать дальше, в бытовом представлении именно утром проходит граница между сутками.

Русский язык располагает средствами для весьма детализированного обозначения первой части суток — ср. выражения *утром*, *поутру*, *с утра*, *под утро*, *к утру*, *утречком*, *с утречка* (с *утречка*), выбор между которыми производится, в частности, в зависимости от того, чем человек занимался до и чем предполагает заниматься после наступления этого времени суток.

Утром является наиболее общим по смыслу выражением.

- (3) Я знаю, век уж мой измерен; // Но чтоб продлилась жизнь моя, // Я *утром* должен быть уверен, // Что с вами днем увижусь я (Пушкин).
- (4) Я объяснюсь с ним завтра *утром*, скажу, что люблю другого, и навсегда вернусь к тебе (Булгаков).
- (5) Шел бой. Каждый день он начинался *утром* при бледном свете снега, а кончался при желтом мигании пылкой лампы «молнии» (Булгаков).

Наречие *утречком* — близкий синоним к *утром*, отличающийся от последнего стилистической окраской: употребление слова *утречком* вносит в высказывание оттенок бодрости и имеет целью передать хорошее настроение говорящего¹. Ср. (6) и сомнительное (7):

- (6) Я *утречком* хотел бы сбегать на речку искупаться.
- (7) ??Завтра *утречком* я хотел бы подольше поспать.

¹ Употребление уменьшительно-ласкательного суффикса по отношению к *утру* означает готовность и желание приступить к дневной деятельности, началом которой является утро; отсюда — оттенок бодрости.

Остальные выражения разбиваются на две группы. Наречия *наутро*, *поутру* (в большинстве употреблений), *с утра* и *с утречка* используются при локализации во времени ситуаций, только что возникших или возобновившихся после перерыва на ночь. Наоборот, выражения *под утро* и *к утру* допустимы лишь когда речь идет о продолжении ситуации, которая занимала непосредственно предшествующий период времени, т. е. ночь. Например: *жара спала лишь под утро (к утру)*, но не **с утра*; *Вечером пили вино, а с утра — коньяк* (был перерыв; скорее всего, ложились спать), но: *Вечером пили вино, а под утро — коньяк* (пили без перерыва, или, во всяком случае, не ложились спать). Ср. также: *Вещи они собрали под утро* (собирали всю ночь) и *Вещи они собрали с утра* (начали и кончили собирать утром).

*С утра*² отличается от других выражений тем, что здесь наиболее отчетливо проступает семантический компонент 'начиная день'; ср:

- (8) *С утра*, свой тусклый образ брея, // глазами в зеркало уставясь, // я вижу скрытного еврея // и откровенную усталость (Губерман).
- (9) Ты поедешь на дачу *с утра*? — Нет, мне надо еще сначала приготовить обед.
- (10) Я, *с утра* угадав минуту, // Когда ты ко мне войдешь, // Ощущала в руках согнутых // Слабо колющую дрожь (Ахматова).
- (11) Она приходила ко мне каждый день, а ждать я ее начинал *с утра* (Булгаков).
- (12) Что за дом у нас такой! И этот *с утра* пьяный (Булгаков).

Соответственно, предложение *Он пришел с утра* не может быть понято как 'пришел домой': если человек приходит домой утром, то этим он не начинает новый день, а заканчивает предыдущий. С другой стороны, *Он пришел на работу (в гости) с утра* означает, что он начал день с того, что пришел на работу (в гости). По той же причине нельзя сказать "Он вернулся с утра. Наоборот, *Он ушел с утра* понимается как 'ушел из дома', а не 'из гостей'.

² Следует отличать наречное выражение *с утра* от сочетания существительного с временным предложением *с* (ср. *с пяти часов*, *с понедельника*); так, предложение *Он с утра ничего не ел* имеет два понимания: 'ничего не ел утром' (понимание с наречным выражением) и 'утром поел, а с тех пор ничего не ел' (существительное с предложением, ср. *не видел его с октября прошлого года*). Выражение *с утра до вечера* содержит сочетание существительного с предложением.

В указанном отношении с *утра* противопоставлено выражению *под утро*, в котором заключена идея 'заканчивая предшествующий день'. Поэтому *Иван пришел под утро* нормально понимается как сообщение о возвращении домой, причем одновременно указывается, что отсутствие Ивана дома затянулось на всю ночь. Надо сказать, что *пришел под утро* уже содержит некоторую негативную оценку, так как в нормативную картину мира входит представление о том, что ночью человек находится дома (и при этом спит). О человеке, приехавшем из командировки, — даже если это было в полшестого утра — странно было бы сказать *Он вернулся под утро*.

Как уже говорилось, в отличие от остальных выражений *под утро* и *к утру* употребляются при описании ситуации, продолжающей то, что длилось в течение ночи. Наречное выражение *к утру*, в общем, наследует значение свободного сочетания существительного с предлогом, ср. *к пяти часам*, *к первому сентября* и т. п.

(13) *К утру* буря утихла.

(14) ...всю ночь, бедненькая, не спала и заснула только *к утру* (Писем., БАС).

(15) Мы все переломали ноги, и нас разбросало по склону. У меня, кажется, сломана только нога. *К утру* сползлись к обломкам самолета восемь человек (Аксенов).

(16) Недели через две получил «Новый мир», среди дня распоряжение из ЦК: *к утру* представить ни много ни мало — 23 экземпляра повести (Солженицын).

(17) *Под утро*, когда устанут влюбленность и грусть и зависть, // и гости опохмелятся и выпьют воды со льдом (Галич).

(18) Заснул он *под утро*, а когда проснулся и вспомнил сцену с женой, быстро привел себя в порядок и, выпив чаю, поспешил уйти от неизбежного объяснения (Горький).

(19) А у меня — слеза, // жидкая бирюза, // просыхает *под утро* (Бродский).

Между *под утро* и *к утру* имеется, кроме того, различие в фокусе внимания: употребляя выражение *под утро*, говорящий рассматривает ситуацию в ее связи с предшествующим процессом, как завершающую этот процесс; у *к утру*, наоборот, в фокусе внимания находится результирующее состояние, влияющее на ход дальнейших событий. Ср. *Буря утихла только под утро* (важно, что продолжалась всю ночь), но *К утру туман рассеялся и вдали показались горы*. Именно поэтому *к утру*

может локализовать состояния и те события, результатом которых является некоторое состояние (ср.: *К утру он был совершенно трезв / знал уже все подробности этого происшествия*; см. также примеры (14), (15), но не **К утру произошло нападение*); это, однако, не может быть процесс: соответственно, предложение типа *Гости расхобились к утру* имеет только узувальное прочтение. Наоборот, *под утро* может локализовать события и процессы (ср. *Гости разошлись/расхобились под утро*), но не состояния (поскольку, как уже было сказано, *под утро* фиксирует внимание на предшествующем процессе): нельзя сказать **Под утро он был мрачен (надо — стал или сделался)*.

Наречие *наутро* отличается от других выражений тем, что содержит отсылку к некоторой ситуации, имевшей место ранее: *наутро* означает 'утром следующего дня (после ночного перерыва)'. Употребление слова *наутро* бывает уместно только если в поле зрения участников коммуникации находятся события предшествующего дня (например, упоминаются в тексте). Ср.:

- (20) Как я пишу легко и мудро! // Как сочен звук у строк ту-гих! // Какая жалость, что *наутро* // я перечитываю их! (Губерман).
- (21) *Наутро* больному стало лучше [т. е. либо после сна, либо после перерыва в наблюдении].
- (22) А *наутро* она уж улыбалась // Перед окошком своим, как всегда (песня).
- (23) К ночи они достигли подножия западных склонов и здесь разбили лагерь. [...] *Наутро*, впервые после того, как они оставили Четвуд, они увидели тропу (Стругацкие).

По той же причине *наутро* нормально не употребляется для обозначения утра сегодняшнего дня; ср. (24) и (25):

- (24) Как-то раз мы поадно сидели и громко разговаривали, а *наутро* соседка сделала мне реприманд.
- (25) Вчера мы сидели и разговаривали, а сегодня утром (**сегодня наутро*) соседка сделала мне реприманд.

Однако, при смене режима повествования это ограничение снимается: *Сидим мы вчера, разговариваем, а наутро встречаю я соседку*, и т. д.

Слово *поутру* имеет два класса употреблений. Чаще всего оно выступает как синоним *наутро*, т. е. значит 'утром следующего дня'. Например:

- (26) Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила. Слава богу, *поутру* явилась возможность ехать, и я оставил Тамань (Лермонтов).
- (27) А *поутру*, когда всходило солнце, // В приморском кабаке в углу матрос рыдал (песня) [имеется в виду: на следующее утро после только что описанных событий].
- (28) А *поутру* они проснулись: // Вокруг примятая трава (городской романс).
- (29) А *поутру* пред эскадроном // Я снова буду трезв и прям, // Отсалютую эскадроном, // Как будто вовсе не был пьян (песня).

Однако для слова *поутру* возможно, особенно в поэтическом тексте, и более широкое значение 'утром'; в этом значении *поутру* имеет разговорную или архаическую окраску. Ср:

- (30) А однажды *поутру* // Прискакала кентуру (К. Чуковский).
- (31) А гадость пьют из экономии, // Хоть *поутру*, да на свои (Высоцкий).
- (32) И сам не знает *поутру*, куда поедет ввечеру (Пушкин).

В разных языках, а также в разных подсистемах внутри одного языка границы между временами суток проводятся по-разному; различным может быть также момент, который считается началом новых суток.

Так, началом новых суток может считаться:

- 1) заход солнца (библейское представление);
- 2) наступление полуночи (официально-юридическое);
- 3) момент пробуждения человека после ночного сна (бытовое).

Официальная граница суток используется, например, при указании времени отправления поезда; при переводе на бытовой язык эта граница естественным образом сдвигается. Так, если на билете указано время отправления поезда, например, 10 августа, ноль часов тридцать минут, то 9-го числа мы говорим: «Я уезжаю сегодня в половине первого ночи», — или, если речь идет о более отдаленном будущем: «...в ночь с девятого на десятое». Официальная граница суток используется в быту только отдельными педантами, которые настаивают, что после полуночи вместо «завтра вечером» следует говорить «сегодня вечером».

Библейское представление о границе суток (сутки начинаются с захода солнца) регулирует порядок богослужений, при этом в бытовой речи оно практически не используется. Даже священник, объявляя расписание богослужений, говорит: «В субботу вечером мы будем служить воскресную всенощную». С расхождением между бытовым и библейским представлением о границе суток связано недоразумение, случившееся с сыном одного из авторов, которого звали в гости *в субботу вечером*, что, как выяснилось впоследствии, для козяев, ортодоксальных евреев, означало временной интервал, который бытовым языком обозначается как *вечером в пятницу*.

Обозначение времени суток в русской языковой картине мира, как уже упоминалось, зависит от того, какой деятельностью оно заполнено, — в отличие от западноевропейской модели, где, скорее, наоборот, характер деятельности, которой надлежит заниматься, детерминирован временем суток. «Jetzt wird gefrühstückt: jedes Ding hat seine Zeit»³, — говорит героиня оперы «Кавалер Роз» в ответ на порыв страсти, охвативший утром ее юного любовника.

Соответственно, в большинстве европейских стран день структурируется «обеденным перерывом», который носит универсальный характер и расположен в интервале от 12-ти до 2-х. Время суток до этого перерыва (т. е. от полуночи до полудня) называется «утро». Часть времени после этого перерыва и приблизительно до конца рабочего дня имеет специальное название, точного эквивалента которому в русском языке нет: франц. *après-midi*, англ. *afternoon*, нем. *Nachmittag*, итал. *pomeriggio*. В некоторых контекстах это слово может быть переведено как *после полудня*, *послеполуденный*; в других наиболее близким переводным эквивалентом здесь является просто слово *день*; ср.: *Ci vediamo domani nel pomeriggio* и *Давай встретимся завтра днем*, но: *Il a dormi tout l'après-midi* не равно *Он проспал весь день*. *Днем* по-русски означает промежуток времени с неотчетливыми границами: не с самого утра, но до наступления вечера («утро» — это время начала человеческой дневной деятельности, а «вечер» — это время, когда дневную деятельность пора заканчивать). Иногда европейскому «послеполудню» соответствует русское *вечер*, ср. объявление в поликлинике *Хирург принимает по четным числам утром, по нечетным — вечером*

³ «Сейчас мы будем завтракать (букв : сейчас завтракается): каждой вещи свое время».

(при этом «утренний» прием может продолжаться с 10-ти до 2-х, а «вечерний» — с 2-х до 6-ти); на конференции *séance du matin* соответствует *утреннему заседанию*, а *séance de l'après-midi* — *вечернему заседанию*.

Ночь в русском языковом сознании — это «провал», перерыв в деятельности, время, когда люди спят (поэтому, например, выражение *провести ночь с кем-то* имеет скабрезный оттенок: о человеке, засидевшемся в гостях до утра, не говорят, что он провел ночь с хозяевами). Если по тем или иным причинам человек не ложился спать, то в некотором смысле у него не было ночи. Ночь в таком случае как бы выпадает из суточного цикла, а утро наступает непосредственно после вечера. Ср. следующие примеры:

- (33) По вечерам у нас были рабочие совещания, которые продолжались до пяти утра.
- (34) Ей никуда не хотелось уходить, хотя и было, по ее расчетам, уже поздно. Судя по всему, время подходило к шести утра (Булгаков).

Вечер — это конец дня. При этом семантика конца, заключенная в значении слова *вечер*, нетривиальным образом взаимодействует с семантикой *начала*, присутствующей в выражении *с вечера* (параллельном выражению *с утра*). *С вечера* означает 'начиная накануне вечером деятельность, основная часть которой запланирована на следующий день', ср.: *собрать вещи с вечера*, *приготовить обед с вечера*. Если деятельность, произведенная вечером, не имела релевантного продолжения на следующий день, выражение *с вечера* употребить нельзя, ср. **поел с вечера*, **лег спать с вечера*. Ср, однако: *Он как залег с вечера, так и проспал весь следующий день*: выражение *с вечера* здесь возможно, потому что означает 'вечером накануне (того дня, когда происходила основная часть процесса сна)'

Итак, возвращаясь к началу: неуместность обращения «Доброе утро!» к коллеге на работе (каковое может быть воспринято как намек на то, что человек имеет невыспавшийся вид) вызвана тем, что утро в русском языковом сознании начинает день и дневную деятельность человека. Соответственно, приветствие «Доброе утро!» представляет собой нечто вроде поздравления с пробуждением и пожелания, чтобы то, что ждет человека после пробуждения, было приятным. С этим приветст-

вием можно обратиться к человеку лишь сразу после того, как он проснулся и еще ничего не успел сделать: тем самым оно уместно, вообще говоря, лишь между людьми, которые проснулись в одной квартире (доме, палатке). Если же человек находится утром на работе, это означает, как минимум, что он туда пришел (или приехал), а перед этим, по-видимому, умылся, оделся и, скорее всего, позавтракал, т. е. его дневная деятельность уже давно началась. В ситуации конференции, школы, экспедиции, дома творчества и т. д. люди, живущие в разных комнатах одной гостиницы или общежития, встречаясь утром на общем завтраке, также обычно приветствуют друг друга словами «Доброе утро!», так как завтрак представляет собой начало их дневной деятельности. Соответственно, человек может в порядке своего рода возражения или отклонения этого приветствия ответить, например, что вообще-то он с шести утра сидит работает или уже совершил двухчасовую прогулку по окрестностям.

Аналогичное приветствие в западноевропейских языках (в тех, где оно есть, т. е., например, в немецком и в английском — в отличие от французского и итальянского) не содержит указанного ограничения, связанного с началом деятельности: слова «*Good morning!*» или «*Guten Morgen!*» уместны в любой момент времени с утра до обеденного перерыва. С другой стороны, если человек, по тем или иным причинам, пробудился от ночного сна лишь в два часа пополудни, по-русски приветствие «Доброе утро!» по отношению к нему будет вполне уместно (хотя и звучит несколько иронично) — что вряд ли можно сказать про английский или немецкий язык.

Тем самым, если для русской модели времени суток структурно значимыми являются моменты пробуждения, начала и конца дневной деятельности, то для западноевропейской модели — полночь и полдень (и связанный с полуднем обеденный перерыв). В некоторых языках с полуднем связано обозначение не только послеобеденного, но также и утреннего времени: например, в немецком наряду с *Morgen* существует *Vormittag* (по аналогии с *Nachmittag*).

Своеобразная комбинация двух упомянутых моделей времени суток отражена в пьесе Б. Шоу «Другой остров Джона Буля». Персонаж, выдающий себя за ирландца, приветствует англичанина словами «Доброе утро» — хотя дело происходит после полудня — и в ответ на недоумение англичанина говорит, что для него утро продолжается, пока человек не пообедал, букв. «ничего

не ел после завтрака». Как мы видим, этот подход сходен с русским тем, что выбор обозначения времени суток определяется не столько астрономическим временем, сколько деятельностью человека, а с западноевропейским — тем, что в основу кладется не время пробуждения, а время принятия пищи.

Анализ предложенного языкового материала, как кажется, подтверждает расхожее представление о том, что русские в целом более свободно обращаются со временем, чем жители Западной Европы: сами обозначения временных интервалов основаны не на астрономическом времени, а релятивизованы относительно человеческой деятельности, в них заключенной.

А. Д. Кошелев

НАРЕЧИЕ СЕЙЧАС (ЯДРО И ПРОТОТИПЫ)

1. Двухкомпонентная структура языкового значения. Описание инвариантного компонента значения на языке семантических примитивов

В статье на примере анализа значения вокабулы *сейчас* иллюстрируется структура языкового значения Ядро — Прототип(ы) и два вида описания ядра (инварианта): внутреннее (на языке семантических примитивов) и внешнее (на языке первичных концептов).

1.1. Структура языкового значения. В [2, 91–132] на примерах анализа конкретных языковых значений было показано, что значение языковой единицы, в частности, слова, может быть представлено в следующем виде: Ядро — Прототип(ы), где ядро — это инвариантная компонента значения, отражающая характеристические свойства всех его прямых референтов, а прототипы — это типизированные значения, отражающие свойства типичных употреблений (контекстов) или типичных классов референтов слова. Такая структура обусловлена двумя различными семантическими функциями слова: а) референциальной, используемой говорящим при языковом описании действительности (образование референции слова, т. е. соотнесение его ядра с референтом) и б) коммуникативной, используемой слушающим при восприятии и осмыслении слова в тексте, когда слушающий, не зная стоящей за текстом действительности, выбирает подходящий в данном контексте прототип слова). Прототипы — это поверхностный уровень семантики слова. Они отражают внешние, часто наглядные черты референтной ситуации. По сути дела хорошие толковые словари в идеале описывают именно прототипические значения. Ядро же — объект, недоступный непосредственному осмыслению. Оно отражает внутренние черты референтной ситуации, проявляющиеся либо косвенно, либо вообще не имеющие внешних манифестантов. Поэтому ядро — по существу задает интерпретацию референта, т. е. приписывает ему некоторые

гипотетические, не идентифицируемые непосредственно свойства. Ядро выявляется в результате специального (референциального) анализа слова и, как правило, имеет более искусственный и недобоваримый для неспециалиста вид.

Пример¹. И словари Ожегова и МАС [6; 4], и лингвисты в своих недавних работах [5, 55–79; 7, 271 и сл.] в целом сходным образом выделяют и описывают лексические значения слова *сейчас*. Мы здесь будем опираться, главным образом, на упомянутую работу И. А. Мельчука [5], в которой дан детальный анализ этого слова, в результате которого было выделено четыре его значения (лексемы). Приведем пока только первые три из них.

Сейчас 1 = 'В момент речи (или период, включающий момент речи)'.
(1) *Сейчас-то ты лучше помолчи* (момент речи).

(2) *В Канаде инфляция сейчас не так уж высока* (период, включающий момент речи).

Сейчас 2 = 'В ближайший момент после момента речи'.
(3) *Сейчас как дам в морду!*

Сейчас 3 = 'В ближайший момент перед моментом речи'.
(4) *Коля сейчас заходил.*

Почти все эти (и многие последующие) примеры взяты из книги Мельчука [5].

В словарях [4; 6] и в книге Е. В. Падучевой [7] также отмечаются значения 1–3. Сходство взглядов разных лексикографов свидетельствует о том, что приведенные описания адекватно отражают представления носителя русского языка о семантике этого слова. Мы хотим показать, что *Сейчас 1* — *Сейчас 3* фактически являются прототипами в том смысле, что каждое из них порождается некоторым ядерным значением путем наложения на него типичных (прототипических) свойств контекста.

В качестве первого приближения к ядру можно предложить такое описание:

(5) *Сейчас X* ≈ 'Событие X имеет место (локализовано) в ближайшей окрестности момента речи'.

¹ Приводимый ниже анализ значения слова *сейчас* представляет собой переработанный вариант раздела 9 из «Московского лингвистического альманаха», см.: [2, 179–184].

В этом определении фактически утверждается, что главное воздействие оператора *сейчас* на временную ось — это сужение окрестности момента речи, в которой происходит событие. Главольное время и другие семантические элементы высказывания локализуют событие относительно момента речи (до / после / в момент речи) в рамках этой «ближайшей окрестности», порождая прототипические значения *сейчас 1* — *сейчас 3*.

В самом деле, если в примерах (1)–(4) опустить *сейчас*, то конкретная локализация описываемого события относительно момента речи (до / после / синхронно моменту речи) не изменится (а это значит, что не *сейчас* задает эту локализацию). Сохранится и интуитивно ощущаемая окрестность, заключающая событие. Правда, эта окрестность станет гораздо шире «ближайшей» (условимся называть ее «панорамной окрестностью»). Ср.: *К Мише нельзя: он сейчас с дамой* (ближайшая окрестность) и *К Мише нельзя: он с дамой* (панорамная окрестность); *Сейчас по радио объявили о повышении цен* и *По радио объявили о повышении цен*. Следовательно, исходно локализацию события на оси времени задают в высказывании две характеристики: а) (по умолчанию) некоторая («панорамная») окрестность момента речи и б) (явно) указатели положения события в этой окрестности относительно момента речи (вид и время). Наречие же *сейчас* задает дополнительную локализацию события — выделяет в панорамной окрестности ее наиболее актуальную для говорящего часть — «ближайшую» окрестность. Тем самым указывается, что событие (действие) происходит не в широкой панорамной окрестности, а в ее более узкой и более значимой для говорящего части.

С особой отчетливостью это проявляется при анализе референций. Высказывание *Иван, мы пойдём смотреть слона* вполне корректно, если «момент речи» — утро, а событие X «пойдем смотреть слона» запланировано на вечер. (Если это событие запланировано на завтра, то высказывание без указателя *завтра* выглядит несколько странно. По умолчанию («панорамная окрестность») предполагается, что X осуществится сегодня.) Однако высказывание *Иван, мы сейчас пойдём смотреть слона* уже будет не корректно не только в этой ситуации, но даже если событие «пойдем смотреть слона» ожидается во второй половине дня. В то же время оно будет корректным, если это событие ожидается, скажем, через полчаса после «момента речи» («ближайшая окрестность»).

Как мы видим, референтом слова *сейчас* можно считать отрезок оси времени, содержащий момент речи и событие X. Рефе-

решения будет некорректной, если ближайшая окрестность момента речи не охватывает событие X.

Итак, имеем: Ядро (*Сейчас*) — Прототипы (*Сейчас 1*, *Сейчас 2*, *Сейчас 3*). Прототипы возникают (генезис) в результате соединения (в следствие многократных употреблений слова *сейчас*) ядра с видо-временным контекстом и последующего разграничения (на уровне поверхностного сознания) трех прагматически важных типов локализации события X: до / после / синхронно моменту речи. Следует подчеркнуть, что выявление ядра ни в коей мере не отменяет прототипы. Они явно представлены в сознании носителей языка и поэтому должны фигурировать в толковом словаре (ядро в него, конечно же, помещать не следует).

2. Описание инварианта (ядра) вокабулы *сейчас* на языке первичных концептов

2.1. Метафора человекоподобного робота. При формировании семантических описаний полезно иметь в виду и явно оговаривать их адресат (для кого или чего они предназначены). В зависимости от адресата (обычного толкового словаря, модели «Смысл ↔ Текст» и т. д.) описания могут естественным образом весьма сильно различаться. Один из адресатов наших описаний — человекоподобный робот, обладающий телом, перцептивным аппаратом и представлением действительности, подобным человеческому, но не обладающим естественным языком. Наша цель: строить описания, которые были бы «понятны» такому роботу, т. е. непосредственно соотносились бы с его дискретным представлением действительности. Конечно, эту цель не следует понимать буквально. Человекоподобный робот — это, скорее, метафора, использование которой помогает осознать актуальность описания семантики внеязыковыми средствами, обеспечивающими более полную экспликацию значения.

Ориентация на человекоподобного робота предполагает отказ от языка семантических примитивов — «неопределяемых слов, не допускающих дальнейшей семантической редукции» [1, 468], т. е. слов естественного языка, поскольку, в отличие от человека, наш робот их не понимает. Здесь необходимо использовать другой язык, а именно: язык первичных концептов — значимых для языка обобщений элементов модели мира робота (= имеющегося в его «мозгу» дискретного представления о мире). Эти обобщения естественно называть языковыми концептами, поскольку они

выражают индуцированную языком классификацию (концептуализацию) уже имеющейся у робота доязыковой картины (модели) действительности.

Вернемся к ядру (5). Основная трудность заключается в том, чтобы сделать понятным (= соотнести с концептом) выражение «ближайшая окрестность». Действительно, во-первых, окрестности событий *Сейчас как дам в морду!*; *О чем это вы сейчас говорили?* и событий *Я сейчас прекрасно пообедал*; *Мария сейчас вымоет пол* — весьма различны, что не мешает высказываниям быть корректными. В других же случаях увеличение окрестности делает высказывание некорректным. Ср.: *Миша был сейчас с Машей у начальника / в буфете* (окрестность небольшая) и *Миша был сейчас с Машей *в театре / *в Подмоскowie* (окрестность больше).

Для более детального объяснения семы «ближайшая окрестность» и замены ее соответствующим концептом нам понадобится ввести в рассмотрение три вида референциального времени (подробнее о них см.: [2, 169–179]).

2.2. Референциальные типы глагольного времени. Опираясь на анализ глагольных референций, удастся выделить три разномасштабных временных оси, или три значения референциального времени глагола: текущее (*Собака пьет воду, Иван машет нам рукой*), актуальное (*Иван пьет чай, Солнце заходит*) и фоновое время (*Мария пьет микстуру уже второй месяц, Дерево растет*).

Текущий процесс разворачивается буквально на глазах говорящего. Соотнесенное с ним высказывание описывает изменения, синхронные моменту наблюдения и распознаваемые на весьма малом (соизмеримом с моментом речи) интервале времени микро-Т. Пример: *Смотри, Иван идет*. Референция корректна, если в момент речи имеет место непосредственно наблюдаемый (текущий) процесс-референт «идет». Например, референция *Когда я вошел, Иван читал книгу*, в которой глагол *читал* употреблен в текущем значении, будет некорректной, если в момент речи Иван сидел перед раскрытой книгой и глядел в окно.

Актуальный процесс разворачивается на существенно большем, чем микро-Т, интервале миди-Т (ограниченном сверху одним днем, поскольку переход человека ко сну, по-видимому, заканчивает все актуальные процессы), ср. *Иван весь вечер читает «Войну и мир»*. Актуальный процесс-референт представлен наблюдателю в виде более или менее регулярной последовательности текущих процессов «читает», перемежающихся иногда паузами (продолжительными и не очень), во время которых Иван смотрит

в окно, говорит по телефону и т. д. Но несмотря на такую внешнюю прерывистость, эта последовательность воспринимается как целостный, непрерывно длящийся на миди-Т процесс «читает». Именно поэтому говорящий вполне может осуществить указанную референцию даже в момент, когда Иван не читает, а, скажем, смотрит в окно.

Фоновый процесс разворачивается на существенно большем, чем миди-Т, интервале макро-Т (его протяженность может исчисляться днями, неделями, месяцами и т. д.). Примеры: *Иван уже несколько дней читает «Войну и мир», Иван строит дачу, Как быстро растет эта яблоня! Иван стареет* и др. Подобно актуальным, фоновые процессы распадаются на процессы более или менее непрерывные (естественной природы: *растет, стареет*) и прерывистые (связанные с целенаправленной деятельностью: *читает, строит*).

Проиллюстрируем кратко все три значения на примере глагола *ехать*. Текущее значение реализуется в высказывании *Иван едет к перекрестку*, отнесенном к Ивану, едущему в момент речи. Актуальное — в высказывании *Иван едет домой* (с работы), отнесенном к Ивану, остановившемуся в момент речи у газетного киоска/табачного ларька и т. п. И наконец, фоновое значение реализуется в высказывании *Иван едет домой из отпуска*, отнесенном к Ивану, который остановился в кемпинге и в момент речи, скажем, собирается лечь спать.

З а м е ч а н и е. Различение трех масштабов времени носит более общий характер и не ограничивается только процессными глаголами. Оно релевантно также для глаголов состояния и свойства и, как кажется, задает классификацию типов референциального времени не только глагола, но и любой динамической ситуации, воспринимаемой человеком. В самом деле, мы убедились, что процессы разных типов требуют для своей идентификации минимальные интервалы времени разной протяженности: микро-Т — для текущего, миди-Т — для актуального и макро-Т — для фонового процесса. Соответственно, на этих же интервалах задается и истинность глагольного высказывания. Например, корректное актуальное высказывание *Иван читает «Войну и мир»* (истинное на миди-Т) может быть ложным на микро-Т (в момент речи Иван смотрит в окно) и на макро-Т (Иван начал читать, но быстро потерял интерес к роману). Однако этот факт имеет место и для непроецессных глагольных референций. Рассмотрим пример: *Иван имеет три фишки* (игра в рулетку) / *лишнюю пешку* (игра в шахматы) / *загородный дом*. Интервал истинности каждого высказывания задается скоростью изменения референтной ситуации и не связан, как видим, с процессным значением глагола. Первое высказывание — пример текущей референции — сохраняет истинность на протяжении нескольких секунд (один сеанс игры в рулетку), второе — пример актуальной референции — может сохранять истинность на протяжении нескольких минут или десятков минут, третье — пример фоновой референции — сохраняет истинность на протяжении значительного времени.

Проделанные рассуждения позволяют высказать следующую гипотезу: при осуществлении глагольной референции говорящий осуществляет выбор одного из трех возможных типов (масштабов) времени: текущего, актуального или фонового.

2.3. Концепт «фокусная окрестность». Для успешного изучения референциальной функции значения необходимо, прежде всего, найти для описания такую ситуацию действительности, которая одинаково хорошо известна как автору, так и читателю. Мы в качестве такой ситуации будем использовать ситуацию рассказа спортивного комментатора о футбольном матче, полагая, что, по крайней мере, многим она известна в деталях. Покажем на примере ее анализа, что искомое концептуальное описание ядра может быть представлено в следующем виде:

(6) *Сейчас X* ≈ 'Событие X имеет место (локализовано) в фокусном интервале говорящего'.

Здесь концепт «фокусный интервал» — это актуализированный в сознании говорящего интервал времени, в котором группируются наиболее важные для него события, т. е. на котором непосредственно сосредоточено внимание говорящего. (Концепт «фокусный интервал» по видимому следует отнести к числу первичных, поскольку это концептуализированные языком характеристика человеческого восприятия действительности.)

Описание (6) базируется на следующей когнитивной гипотезе: при восприятии (и описании) ситуации действительности в сознании человека формируются два плана: первый, содержащий наиболее важные для говорящего события (из всех событий, воспринятых к данному моменту) и второй, содержащий менее важные, вторичные события. Первый план формируется в достаточно узком интервале времени (его мы и называем фокусным), а вторичный — в более широком (панорамном) интервале. Высказывание *сейчас X* указывает, что событие X локализовано в фокусном интервале говорящего, т. е. что оно а) является важным для говорящего и б) принадлежит сравнительно узкому интервалу.

Рассмотрим следующий комментарий:

(7) *Соперник сделал неточный пас. Иван перехватил мяч и (*сейчас) мчится к воротам.*

Почему нельзя употребить *Сейчас 1*? Ведь событие X происходит в момент речи. Представим сходную ситуацию. Комментатор

отвлекается, рассказывая какую-то историю. Увидев, что на поле возникает опасный момент, он возвращается к матчу.

(8) *Вернемся к игре. Иван перехватил мяч и сейчас мчится к воротам.*

Теперь высказывание вполне корректно. Различие в том, что в случае (7) и так ясно, что X находится в фокусном интервале (важнейшее событие), поэтому употребление *сейчас* тавтологично. В случае (8) это не так. До последнего момента в фокусе комментатора были другие события. Высказывание *Иван перехватил мяч* также могло идти вторым планом. Поэтому здесь *сейчас* уместно. Оно указывает на принадлежность X-а первому плану.

Рассмотрим другой пример речи комментатора. *А на беговой дорожке (сейчас) разминается запасной вратарь.* Высказывание с указателем *сейчас* вполне уместно. Оно включает событие «разминается запасной вратарь» в фокусный интервал (выдвигает его на первый план). Представим теперь, что в перерыве матча на беговой дорожке готовится старт спринтеров и все внимание привлечено к ним. В этом случае вполне нормально сказать *На первой дорожке разминается американец Джон Льюис* и плохо **На первой дорожке разминается сейчас американец Джон Льюис*, поскольку это событие и так в центре внимания. Ср. также: *Иван мчится к воротам. Вратарь гостей (*сейчас) застыл, готовясь к броску. А на другой половине поля наш вратарь (сейчас) стоит со скучающим видом.*

До сих пор мы рассматривали события, синхронные моменту речи, поэтому малая величина фокусного интервала не проявлялась (все эти события ему принадлежали). Рассмотрим теперь несинхронные события. Начнем с текущих процессов. Высказывание *Иван сейчас забил гол* корректно только если гол забит не более трех-пяти минут назад. Высказывание *Иван забил гол* таких ограничений не несет. Аналогично, высказывания *Сейчас прозвучит финальный свисток*, *Сейчас судья остановит игру* корректны, если говорящий ожидает указанных событий в ближайшие три-пять минут. Из этих примеров следует, что текущий фокусный интервал составляет всего несколько минут. Ср. также: *Иван сейчас заходил*, *Иван сейчас даст ему по физиономии.*

Перейдем теперь к рассмотрению ситуации в актуальном времени. Представим себе бригаду колхозников, которая в течение дня выполняет последовательно несколько видов работ: сначала косит, затем стогует, затем грузит и т. п. Высказывание (отчет бригадира по телефону) *Мы сейчас закончим косить и начнем*

стоговать корректно даже в случае, если окончание события «косить» ожидается через час или даже два часа после момента речи. Аналогичная ситуация и с высказыванием *Мы сейчас закончили косить и начали стоговать*. И здесь окончание события «косить» могло произойти достаточно давно. Итак, в актуальном времени фокусный интервал гораздо больше, чем в текущем времени. Однако и здесь он вполне ограничен. Рассмотренные примеры утратят корректность, если окончание события «косить» удалено от момента речи на несколько часов. Ср. также: *Миша был сейчас с Машей у начальника / в коридоре / в буфете* (все события могут трактоваться как краткие) и *Миша был сейчас с Машей *в театре / *в ресторане / *в Подмоскowie* (все события не могут трактоваться как краткие). По этой же причине некорректен и пример *К Мише нас не пустили: он был *сейчас с дамой*. (Некорректность этого примера, см.: [5, 60] объясняется противоречивостью прошедшего времени (был) и значением *сейчас I* «в момент речи». Но, как мы показали, значение *сейчас I* не имеет независимого от контекста статуса.)

Аналогично для будущего актуального: *Я сейчас поджарю личицу / поплюю чаю / вымою пол / пришью пуговицу*, и *Я сейчас *сошью тебе рубашку / *свяжу свитер*. В то же время высказывание *Я сейчас буду шить тебе рубашку* вполне корректно, поскольку продолжающееся действие «шить» (референт глагола несовершенного вида *шить*) укладывается в правую часть актуального фокусного интервала.

Рассмотрим теперь референцию *сейчас* к актуальному процессу настоящего времени. Представим такую ситуацию. Подъехал председатель с бригадиром к большому полю и, видя копошащихся вдали людей, спросил: «Что они там делают?» — «Они (*сейчас) дергают свеклу» — ответил бригадир. Указатель *сейчас* здесь неуместен, поскольку и так ясно, что данное событие, пусть и не вполне определенное, находится в фокусном интервале обоих наблюдателей. Ср. продолжение диалога: — *А что делает бригада Ивана?* — *Они (сейчас) грузят сено у реки*. Здесь указатель *сейчас* уместен, т. к. свидетельствует о локализации данного события в фокусном интервале бригадира. Что же касается последовательности актуальных событий, то, ввиду их гораздо большей длительности (по сравнению с текущими), здесь принадлежность второго события первому плану не столь очевидна, поэтому *сейчас* почти всегда можно употребить: *Иван приехал к Петру, пообедал и (сейчас) лег отдохнуть*. Ср.: *Иван подбежал к Петру, поскользнулся и (*сейчас) упал*.

В фоновом времени фокусный интервал, по-видимому, не намного больше, чем в актуальном. Об этом свидетельствует тот факт, что в фоновом времени некорректны несинхронные моменту речи *сейчас-события* (их длительность слишком велика, чтобы они могли целиком поместиться в фокусном интервале). Здесь корректна только локализация события «в момент речи». Ср.: *Иван сейчас строит дачу* и **Иван сейчас строил (построил) / будет строить (построит) дачу*. Прошедшее и будущее возможны лишь в выделенной теме: *А сейчас я на эти деньги построил / построю дачу (сшил / сошью пальто)*.

В то же время аналогичная локализация в актуальном и текущем времени вполне корректна, ср.: *Мальчик строил (построил) / будет строить (построит) снежную крепость* [актуальное время] и *Мальчик сейчас строил (построил) / будет строить (построит) пирамиду из кубиков* [текущее время].

З а м е ч а н и е. Обсуждая соответствие «Смысл → Предложение» в частной беседе летом 1996 года, И. А. Мельчук сказал примерно следующее: «именно это и есть язык, поскольку именно этому нужно учить иностранца, желающего овладеть другим языком». Проведенный выше анализ показывает, что указанное соответствие не исчерпывает язык (в таком понимании). Соответствию «Смысл → Референт», выражающему референциальную функцию языка, также нужно учить иностранца, желающего овладеть другим языком.

Проиллюстрируем теперь языковую значимость фокусного интервала, точнее, его свойства включать важнейшие события. В соответствии с этим свойством, длина фокусного интервала может увеличиваться с увеличением значимости для говорящего описываемого события. Иначе говоря, фокусный интервал может охватывать не ближайшие события, если они важны (сохранили актуальность) для говорящего. Рассмотрим два примера: *Сейчас по радио передали прогноз погоды. Ничего нового* и *Сейчас по радио передали о всеобщей мобилизации*. Если сообщение по радио было сделано, скажем 1–2 часа назад, то первый пример некорректен, а второй — корректен, так как он (очевидно) сохранил актуальность для говорящего. Аналогичная ситуация и с примером *Сейчас мы уже отчитались перед банком*. Предположим, что отчет был сделан два дня назад. Если это (отчет) — рутинная еженедельная операция, то высказывание некорректно (хотя возникшее в результате состояние «наличествует в настоящем»), если же это — плод огромных усилий, спасший предприятие от ликвидации, то высказывание наоборот — вполне корректно. Таким образом, значимо не только наличие в настоящем результата, или результирующего состояния (как отмечается в книге Мельчука

[5, 61]), но и его важность для говорящего, то есть принадлежность фокусному интервалу.

В центре «фокусного интервала» находится не сема «момент речи», а микроинтервал «текущий момент восприятия». В подавляющем большинстве случаев он практически совпадает с «моментом речи», но иногда может и не совпадать с ним. Рассмотрим для примера выделенное Мельчуком значение [5, 65]:

*Сейчас*⁴ = 'В данный момент, имевший место в прошлом, но представляемый говорящим как момент речи'.

Примеры:

Сейчас Иван нес ведро с краской.

...*Только сейчас он был уже не воздушный, а обыкновенный, плотный* (Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

На наш взгляд, отличие этого значения от рассмотренных выше только в том, что здесь фокусный интервал сдвинут в прошлое относительно момента речи. Это, в частности, свидетельствует о нерелевантности признака «момент речи». Он, конечно, удобен, ввиду своей объективности и наглядности, но является, по существу, внешним маркером, замещающим релевантный элемент — концепт «текущий момент восприятия». Поскольку наиболее часто внимание говорящего сфокусировано на настоящем, текущий момент восприятия практически совпадает с моментом речи и поэтому указанное замещение носит неявный характер (для носителя языка, который и без толкования знает значение слова *сейчас*). Но бывают случаи, когда роль текущего момента восприятия становится явной, а именно: когда он сдвинут относительно момента речи, как в только что приведенном примере. Здесь реальное восприятие как бы отключается и вместо него воспринимается (вспоминается) ранее воспринятая ситуация. Ср. также: *Великий комбинатор готовился всю зиму... Сейчас он нес на себе семнадцать массивных портсигаров...* (Ильф и Петров. «Золотой теленок»).

Рассмотрим еще один пример такого рода: *Он ясно понимал/понял, что сейчас [= в момент понимания] от него требовалось только одно.* Заметим, что в этом прошлом может быть свое прошлое, настоящее и будущее, ср. *Он ясно понимал/понял, что сейчас [= в момент понимания] от него требовалось/требуется/потребуется только одно*, т. е. оно, кроме ретроспективной точки зрения, ничем не отличается от настоящего *Сейчас 1*.

Замечание. Сравним описание (5), опирающееся на семантический примитив «ближайшая окрестность момента речи» и описание (6), опирающееся на первичный концепт «фокусный интервал». Первое описание — внутреннее, исполь-

зующее тот же естественный язык. Второе — внешнее, использующее обобщенный языком концепт — фрагмент модели восприятия действительности, содержащийся в сознании человека, а, стало быть, и в сознании человекоподобного робота. Этот концепт имеет внеязыковой статус, следовательно, он в идеале интернационален, т. е. может быть одинаково понят носителями разных языков

Используя описание (6), можно порождать прототипические значения *сейчас*¹ — *сейчас*³, комбинируя тип фокусного интервала (текущий, актуальный или фоновый) и время события (прошедшее, настоящее или будущее) и проверяя каждый раз реальность комбинации из этих двух составляющих. Конечно, порожденные таким комбинаторным способом «значения» нельзя считать реальными прототипическими значениями, непосредственно осознаваемыми носителем языка. Употребляясь в различных контекстах, они изменяются и требуют специального лингвистического описания, например, такого, которое дано в книге Мельчука [5, 55–76].

Конечно анализ одного значения не может служить достаточной иллюстрацией высказанных в статье общих тезисов. Ряд других примеров подобного анализа содержится в нашей работе, см.: [2]; в другой работе аналогичным образом проанализировано ядерное значение глагола *догонять* [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Избранные труды, т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. А. Д. Кошелев. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах, 1996, вып. 1.
3. А. Д. Кошелев. О структуре языкового знака, семантических примитивах и первичных концептах // Диалог-97. Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. (В печати.)
4. Словарь русского языка, М., 1983, т. 1–4.
5. И. А. Мельчук. Русский язык в модели Смысл — Текст. Москва; Вена, 1995.
6. С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1970.
7. Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива. М., 1996.

Е. В. Падучева

ДАВНО И ДОЛГО

Я давно питаю к ней нежные чувства.

Из частного письма

Словари различают у слова *давно* два значения — *давно1*, 'в момент, далеко отстоящий от настоящего', и *давно2*, в течение долгого времени, долго' (в Русско-английском словаре под ред. А. И. Смирницкого для *давно* дается даже два перевода — *long ago* и *for a long time*). Можно сказать, что — *давно1* это обстоятельство времени, а *давно2* — обстоятельство длительности. Так, во фразе (1) реализуется значение *давно1*, а во фразе (2) — *давно2*:

- (1) Он умер *давно*, больше столетия тому назад;
(2) Мы живем здесь *давно*, третий год.

Остается, однако, несколько недоумений.

Во-первых, *давно2*, все-таки, не то же, что *долго*; так, в контексте нашего эпитафа *давно* нельзя заменить на *долго*:

- (3) *Я *долго* питаю к ней нежные чувства.

Ср. также пример (4); в (4а), с настоящим временем глагола, *долго* невозможно; а в (4б), где глагол в прошедшем времени, *долго* не синонимично *давно*; между тем *давно* возможно независимо от времени:

- (4) а. *Квартира *долго* пользуется странной репутацией;
б. Квартира *долго* пользовалась странной репутацией;
в. Квартира *давно* пользовалась/пользуется странной репутацией.

Значит, *долго* и *давно2* в чем-то различны.

Во-вторых, обращает на себя внимание уникальное сочетание в одном слове *давно* значений обстоятельства времени и длительности. В современном русском языке эти два временных показателя обычно различаются по форме. Так, например, *в воскресенье* — обстоятельство времени, а *все воскресенье* — длительности.

Желательно, таким образом, представить значение *давно* так, чтобы это совмещение двух значений в одном слове получило объяснение. Ниже рассматриваются обе эти проблемы — различие между *давно2* и *долго* и связь между двумя значениями самого *давно*.

1. Действительность *давно*

Разница между *давно2* и *долго* состоит в том, что *долго* — это временной показатель с обычным — замкнутым — референциальным интервалом, а *давно2* — с открытым (это различие временных показателей обосновано в нашей работе, см.: [6]). Остановимся на этом противопоставлении более подробно.

Для начала исключим из рассмотрения план будущего (т. е. контекст глагола в будущем времени). Тогда «обычные» обстоятельства длительности имеют замкнутый интервал, т. е. обозначают длительность уже закончившейся ситуации. Так, *Он гулял два часа* означает, при речевом режиме интерпретации, что сейчас он уже не гуляет; т. е. обстоятельство длительности *два часа* предполагает прош. время. Если оно употребляется с глаголом НСВ настоящего времени — *Он гуляет два часа*, — то видо-временная форма не может быть понята в актуальном значении: либо видовое значение узуальное, либо время не наст. речевое, а наст. историческое. Именно к таким принадлежит *долго*. Его неуместность в контексте предложения (3) объясняется тем, что оно предполагает закончившуюся ситуацию, которая должна была бы выражаться глаголом в прош. времени; а в (3) время настоящее. Наоборот, во фразе

(5) Она *долго* смотрела ему вслед,

с глаголом в прош. времени, *долго* уместно: прош. время интерпретируется, в речевом режиме, как выражающее предшествование моменту речи. Наст. в этом контексте (*долго смотрит*) не могло бы быть понято в актуальном значении: *долго* диагностирует это наст. как наст. историческое.

Временные показатели с открытым, т. е. неистекшим, интервалом пока не привлекали к себе внимания, хотя их довольно много — как среди показателей времени (*сейчас, на этой неделе*), так и среди показателей длительности: *с тех пор, со вчерашнего дня, шестой год, последние дни* (не первые!), *до сих пор, все это время, вот уже два дня* и под.

Итак, мы заключаем. Различие между *долго* и *давно2* состоит в том, что *давно2*, в нейтральном контексте, фиксирует синхронную позицию наблюдателя; а при *долго* наблюдатель в норме либо ретроспективный, либо проспективный, так что без специального контекста *долго* с наст. временем в речевом режиме не сочетается, см. пример (3). Совместить *долго* с синхронным наблюдателем может *уже*, пример (7), а также будущее время и подразумеваемое *еще*, пример (9). Для *давно* предпочтительно совпадение точки отсчета с моментом речи, поскольку оно в своих употреблениях дейктивно, а для *долго* это не обязательно.

2. Два значения или одно?

Обратимся теперь к соотношению значений *давно1* и *давно2*. Действительно ли это разные значения? Толкования для *давно1* и *давно2* во многом сходны: различие в существенной степени определяется таксономической категорией глагола, который составляет сферу действия *давно*: *давно1* возникает в событийном контексте (*Дождь давно кончился*), а *давно2* — в стативном (*Он давно спит*). Толкования:

давно1 (S) =

- а) в момент t произошло событие E, результатом которого является состояние S;
- б) момент t далеко в прошлом по отношению к точке отсчета;
- в) состояние S длится в точке отсчета.

давно2 (S) =

- а) В момент t наступило состояние S;
- б) момент t далеко в прошлом по отношению к точке отсчета;
- в) состояние S длится в точке отсчета.

В принципе, толкование для *давно2* можно свести к толкованию для *давно1*, считая, что E = 'наступило S'. Однако в этом есть некоторая искусственность; в любом случае, раздельное рассмотрение двух употреблений *давно* более наглядно.

Рассмотрим по отдельности три контекста употребления *давно1*.

1) Значение *давно1* наиболее полно реализуется в контексте глагола совершенного вида²:

² Пригодимые ниже литературные примеры взяты, в основном, из трех источников: И. Бунин. Рассказы — обозначение (Б); В. Пастернак. «Доктор Живаго» — обозначение (ДЖ); М. Булгаков. «Мастер и Маргарита» — обозначение (ММ). Остальные источники указываются полностью.

- (1) Давно *настал*а зима. Стояли трескучие морозы (ДЖ).
 Грозовые тучи давно *разошлись* (ДЖ).
 Он ведь не раз бывал в подобных положениях, продумал все возможности и давно *признал* эти планы спасения непригодными (ДЖ).
 О, Тоня, бедная девочка моя! Жива ли ты? Где ты? Господи, да ведь она должна была *родить* давно! (ДЖ).
 Приближается час, которого я не люблю, потому что давно уже *потерял сон* (Б).
 <...> он уже давно *заметил*, что есть в нем еще кто-то — глупей его (Б).
 <...> давно *прошло* то время, когда он с наивной гордостью верил, что и впрямь до самого Афона дошли слухи о нем (Б).
 <...> узнали, что давно *сошла* с ума — от несчастной любви — и тетя Тоня (Б).
 <...> сам *окоченел* уж давно (Б).
 <...> картуз-то уж давно *свалился* (Б).
 <...> я тебя давно *полюбил* (Б).
 <...> уже давно *стемнело* (Б).
 Давно *потонула* в черном бархате долго переливавшаяся алмазами цепь огней Коломбо (Б).
 Большинство нашего населения сознательно и давно *перестало* верить сказкам о боге (ММ).
 Рассказчик указывал рукою куда-то в сторону луны, которая давно уже *ушла* с балкона (ММ).
 Давно уже *начало мести* с севера, и метет и метет, не перестает (Булгаков. «Белая гвардия»).

В контексте причастий и др. отглагольных образований с перфектным значением, типа *подано, готово*, событие Б, служащее началом состояния S, легко усматривается — это событие выражается тем глаголом, от которого образовано данное причастие (*подать, приготовить*):

- (2) Лыжи, мешок с сухарями и все нужное для побега *было* давно *запасено* у него (ДЖ).
 То место, где стояла луневская усадьба, *было* уже давно *распахано* и *засеяно* (Б). Все давно *скошено* (Б).
 <...> теперь уже давно *обжитого* (Б).

Компонент в) в толковании *давно* 1 обосновывается примерами типа

- (3) *Он давно пришел, а потом ушел.

Надо сказать: *приходил какое-то время назад, а потом ушел*. Т. е. *давно I* усиливает перфектный компонент, входящий в семантику СВ.

2) Однако *давно I* может быть употреблено также в контексте глагола НСВ общефактического, и в этом случае компонент в) отсутствует:

- (4) Я *виделся* с ней *давно*;
Мы *обедали* *давно*.

При этом позиция *давно* в коммуникативной структуре обязательно рематическая, в иной позиции *давно* невозможно:

- *Мы *давно обедали* \,
*Я *давно с ней виделся* \.

Чтобы сохранить коммуникативную структуру, надо сказать *давно увиделся, давно победили*. Впрочем, запрет может возникать и при СВ: *Он *давно постарел*.

Еще примеры *давно* в контексте НСВ общефактического:

- (4') *Покупал* их [стенные часы] отец *давно*, когда женщины носили смешные пузырьчатые у плеч рукава (Булгаков. «Белая гвардия»).
- Как у вас нынче сады? — *Цвели* *давно*, ваше преподобие, но ветер, господь с ним, всю завязь обил (Б).

К коммуникативным аспектам слова *давно* мы вернемся в разделе III.

3) Отдельно следует выделить контекст глаголов *видеть, слышать*, при которых, несмотря на несом. вид глагола, толкование *давно I* реализуется полностью:

- (5) а. <...> объявила, что она *давно* уже *слышала* очень многое об его дочерях и *давно* уже привыкла глубоко и искренно уважать их (Достоевский. «Идиот»).
- б. О посягательствах некоей Madame Alice, проживающей с детьми под фамилией Живаго в Париже, я *слышал* *давно* (ДЖ).

Эти глаголы — остаток древнего неразличения видов. С синхронной точки зрения *видеть, слышать* трактуются как формы несовершенного вида в общефактическом значении; однако они имеют перфектное значение: *слышал* — значит слышал и знаю; *видел* ≈ 'увидел' (хотя сказать *увидел* нельзя), и значение *давно* здесь такое же, как в примерах (1), (2), а не как в (4). Например,

давно не обязано занимать в контексте глаголов *видеть*, *слышать* рематическую позицию, см. (5а). Но время должно быть прошедшим; так, в (6), в контексте наст. времени, не *давно1*, а *давно2*:

(6) *давно слышу я*, Горизонтов, о причудах твоих (Б).

Теперь обратимся к *давно2*. Для *давно2* самое характерное употребление — в контексте глагола НСВ, обозначающего состояние (в широком смысле, т. е. включая диспозицию, процесс, деятельность и проч.), наступление которого, вообще говоря, может быть и не связано ни с каким событием. Например:

(7) *Я жду его давно* =

- а) В момент *t* наступило состояние S «Я жду»;
- б) момент *t* далеко в прошлом по отношению к точке отсчета;
- в) состояние S длится в точке отсчета.

Основная видо-временная форма для *давно2* — НСВ настоящего времени:

(8) О каком хлебе речь, когда его давно *нет* в природе? (ДЖ).

Один командир знал, что эта пара нанята Ллойдом играть в любовь за хорошие деньги и уже давно *плавает* то на одном, то на другом корабле (Б).

Гаврила Ардалионович Иволгин, которого она знает и у себя принимает, давно уже *любит* ее всею силой страсти (Достоевский. «Идиот»).

<...> он знал, что его уже давно *зовут* Тугоногим ...нет человека без прозвища! (Б).

Форма НСВ прош. времени в контексте *давно2* интерпретируется, как правило, в нарративном режиме:

(9) Половина *давно* уже *хрпела* по углам вповалку (ДЖ).

Семьи партизан *давно следовали* на телегах за общим войском (ДЖ).

Надо сказать, что квартира эта — № 50 — *давно* уже *пользовалась* если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией (ММ).

<...> *давно ездил* он по этой дороге (Б).

Он спрашивал меня о том, кто я таков и откуда я взялся, *давно* ли *пишу* (ММ).

<...> следя за тремя стервятниками, *давно* уже *плававшими* в вышине большими кругами (Б).

<...> бараний тулуп его *служил* так *давно*, что весь пошел лысынами (Б).

<...> основные бревна, *давно лежавшие* на дворе за окном, ослепительно белели при вспышках (надо — *лежащие!*) (ДЖ).

Часы идут медленно. Надя уже встала и *давно уже гуляла* в саду, а все еще тянется утро (Чехов. «Невеста»).

В (10) между 1-й и 2-й фразой происходит сдвиг текстового времени, так что в первой позиция наблюдателя синхронная:

(10) Настасья Петровна *давно собиралась* погостить к знакомым в город. И наконец собралась и уехала (В).

Есть, однако, два специальных контекста, где допустимо употребление *давно 2* с глаголом НСВ в прош. времени речевого режима.

Один такой контекст составляют глаголы внутреннего состояния — *хотеть, желать, ждать, подзревать* сочетаются с *давно* в прош. времени речевого режима. Прошедшее время здесь денотативно тождественно настоящему. Так, в (11а) вместо прошедшего можно было бы употребить настоящее время, поскольку состояние имеет место и «сейчас»; а в ситуации, стоящей за примером (11б), напротив, можно было бы, вместо настоящего, употребить прошедшее время:

(11) а. Она призналась, что сама *давно желала* спросить дружеского совета (Достоевский. «Идиот»).

Расскажите, как вас расстригали. Я *давно хотел* спросить.

Небось перетрухнули? Анафеме вас предавали? А? (В).

б. Я *давно уже чувствую*, что случилось что-то роковое и непоправимое в его жизни (В).

Нельзя сказать, что в контексте этих глаголов наст. и прош. синонимичны; тем не менее, форма прошедшего времени здесь не значит, что ситуация прекратилась (*давно чувствовал* не значит, что сейчас не чувствую), а форма наст. — что она длится, ср. *Я целый час вас жду* (= 'ждал', сейчас, очевидно, ожидавшийся уже пришел).

Второй контекст, в котором *давно 2* сочетается с глаголом НСВ прош. времени речевого режима, — это контекст отрицания. Здесь компонент в) толкования *давно 2* заменяется на в') — 'состояние S длилось непосредственно до настоящего момента; не утверждается, что в наст. момент оно прекратилось':

Я *давно ему не писал* =

а) В момент *t* наступило состояние S «не пишу»;

б) момент *t* далеко в прошлом по отношению к точке отсчета;

в') состояние S длилось непосредственно до точки отсчета; не утверждается, что в точке отсчета оно прекратилось.

В результате, *Я давно ему не писал* значит приблизительно то же, что *долго не писал*. Но при *долго* интервал, занимаемый состоянием, может находиться на любом расстоянии от точки отсчета, а при *давно* он примыкает к ней. Так что синхронную точку отсчета (неистекший временной интервал) можно считать инвариантом для всех употреблений *давно*.

Настоящее и прошедшее время в контексте *давно не* не синонимичны. Различие в следующем. *Наст.* выражает продолжающееся состояние ненаступления или неповторения некоторого должностующего наступить / повторяться события; а *прош.* означает, что «сейчас» состояние может измениться (ср. *я давно не моюсь* и *я давно не мылся*) или уже изменилось. При прошедшем состоянии 'ни разу не СВ' рассматривается как казус; а при настоящем ситуация 'узально не СВ' имеет место в порядке вещей. Ср. (12), с прошедшем временем, и (13) — с настоящим:

(12) К группе читавших подошел исхудалый, *давно не мывшийся* и оттого казавшийся смуглым человек одичалого вида с котомкой за плечами и палкой (ДЖ).

<...> во втором [зале] было несколько евреев, с утра до ночи игравших в карты, да какой-то *давно не бритый*, нищий актер (Б).

<...> *давно уже не озарялось* оно [лицо] такою добротою, такою старчески-детскою радостью (Б).

(13) <...> лежал в своем темном доме уже *давно не встающий* с постели, седовласый, распухший, с заплывшими мрачными глазами о. Кир (Б).

<...> и в зеркале, помещавшемся в передней, *давно не вытираемом* ленивой Груней (ММ).

Она жаловалась, что вы *давно уже не даёте* ей отпуска (ММ).

То же различие демонстрирует пример (14). Фраза (14а) предполагает, что «сейчас» по тропе либо прошли, либо пройдут, и состояние кончится, а в (14б) такой импликации нет:

(14) а. Видно было, что по ней <тропинке> *давно уже не ходили* люди.

б. Видно, что по ней <тропинке> *давно уже не ходят* люди.

Интересно, что состояние несовершенства действия при *давно* и *долго* разные: *долго* предполагает однократное несовершенство, а *давно* — несовершенство действия, которому естественно повторяться многократно; поэтому *долго не отвечал* нормально, а *давно не отвечал* — странно. В результате, легко объясняется изысканная

квазисинонимия: *давно не звонил* ≈ *звонил давно*. Между тем *долго не звонил* не предполагает, что перед этим звонил, ср.: *Я попросил его позвонить. Он долго не звонил.*

Отметим, что отрицательный глагол СВ с *давно* не сочетается вовсе (ср. [1]) — в семантике глагола должно быть состояние; так, примеры в (15) звучат странно:

(15) Какое забвение своих собственных предначертаний и мероприятий, *давно не оставивших* в жизни камня на камне! (ДЖ).

Это дает ощущение, *давно не испытанное*, ощущение чистоты и юношеской свежести (В).

Пример (16) с глаголом *остаться* свидетельствует об особых свойствах этого глагола:

(16) В душе его уже давным-давно *не осталось* ни даже горчичного семени каких-либо так называемых мистических чувств (В).

Глаголы СВ, в семантику которых не входит переход в новое состояние, тоже должны плохо сочетаться с *давно*. И в самом деле:

*Мы *давно поболтали*, *Плащ *давно защитил* меня от дождя.

Итак, наше толкование обслуживает обе таксономических категории глаголов, которые могут составлять сферу действия *давно*: состояния и события. В контексте состояний выступает стативное значение *давно2*; в контексте событий — событийное *давно1*; при этом ретроспективно наблюдаемое состояние, например, *цвели* в примере (4'), трактуется как событие, а несовершенство действия на некотором интервале — как состояние.

Если контекст таков, что позволяет реализовать все компоненты толкования *давно*, то *давно1* и *давно2* неразличимы. Рассмотрим типичный глагол перехода в новое состояние — *приехать*. В контексте такого глагола *давно* можно истолковать и как обстоятельство времени (событие произошло давно), и как обстоятельство длительности (состояние, возникшее как следствие события, длится долго):

(17) Он приехал *давно*.

В соответствии с нашими толкованиями следовало бы считать, что в одном случае будет *давно1*, а в другом — *давно2*; однако в предложении (17) нет никакой неоднозначности: контекст таких глаголов — это позиция нейтрализации, когда различие между пониманиями *давно1* и *давно2* вообще стирается.

Ср. также пример (18):

(18) Юра *давно обещал* им статью о Блоке (ДЖ).

Понимание *давно*¹ и *давно*² здесь неразличимы: давно произошло событие «посещал» или долго длится состояние «обещает»? Возможно и наст. *давно обещаю*, поскольку глагол *обещать* может иметь значение перфектного состояния (см. [4]): 'пообещал, и это актуально в текущий момент'.

В контексте глагола СВ, который не имеет событийного значения, а только перфектное, не может быть *давно*¹ — только *давно*²:

(19) Слова, которые произносил Гинц, *давно навязли* у них в ушах (ДЖ).

Одно замечание о дейктичности *давно*. В словарных толкованиях *давно* обычно фигурирует настоящий момент. Следует уточнить, что наст. момент — это не момент речи, а точка отсчета; совпадение с моментом речи для нее желательно, но не обязательно. Так, *давно* может интерпретироваться в нарративном режиме, и точкой отсчета будет текущий момент текстового времени. Да и в речевом режиме точка отсчета может задаваться не моментом речи, а референциальным моментом обстоятельства времени, как в (20); или моментом, фиксированным подчиняющим предикатом пропозициональной установки, как в (21):

(20) *К этому моменту он давно уже будет* вне досягаемости.

(21) Юра *не знал*, что отец *давно бросил* их, ездит по разным городам Сибири и заграницы, кутит и распутничает, и что он давно *просадил* и *развезл* по ветру их миллионное состояние (ДЖ).

Шкловскому приписывается (свидетельство Вяч. Вс. Иванова) фраза *В мои годы Толстой давно уже умер*. Здесь за точку отсчета следует принять тот — никогда не существовавший — момент в жизни Толстого, когда ему было столько лет, сколько Шкловскому, когда он делал это высказывание.

3. Коммуникативная структура

И последний круг проблем, связанных с *давно*, — это коммуникативная структура предложения.

Различаются следующие коммуникативные позиции, которые в принципе может занимать наречие времени — *ре м а т и ч е с к а я*,

пример (1а), и две тематических — обычная тема, или кулиса (она может быть контрастной), (1б), и подавленная тема, (1в):

- (1) а. Он приходил *вчера* \;
 б. *Вчера* приходил Иван \; *Вчера* / он приходил \;
 в. Он *вчера* приходил \.

Наиболее характерна для *давно2* позиция подавленной темы, как в примере (8) из раздела 2. Рематическая позиция тоже возможна:

- (2) Косматый, рваный дым костров, скрип шагов и визг полозьев способствовали впечатлению, будто они *едут* уже Бог знает как *давно* и завехали в какую-то ужасающую даль (ДЖ).
 Они *разговаривали* уже *давно*, несколько битых часов, как разговаривают одни только русские люди в России (ДЖ).

Между тем в контексте НСВ общефактического позиция подавленной темы для *давно1* невозможна³ — сочетание допустимо лишь при рематической позиции наречия, объяснения для которого не найдено, ср. *Они обедали давно* и **Они давно обедали*; *Он мылся давно* и **Он давно мылся*; см. пример (4) из раздела 2.

Определенные ограничения связаны и с другими коммуникативными позициями; так, *давно1*, в отличие от большинства других обстоятельств времени, неспособно занимать в предложении позицию обычной темы⁴. В (3б), в позиции подавленной темы, в контексте настоящего времени глагола, *давно* возможно; а в (3а), в контексте прошедшего времени, — нет:

- (3) а. *Давным-давно* (**давно*) они *жили* в Стрелецке [прошедшее речевое; *давно1*].
 б. Они *давно* (*давным-давно*) *живут* в Стрелецке [настоящее речевое; *давно2*].

Следующий пример (4) демонстрирует различие между *давно* и *недавно*:

- (4) *Недавно* (**давно*) к нам приехал знакомый из Болгарии [5, 22].

³ При наличии отрицания сочетание *давно* с глаголом несов. вида допустимо (ср. *Он давно не мылся*); но здесь ситуация продолжается в момент речи, и значение несовершенного вида не общефактическое.

⁴ О коммуникативном своеобразии *давным-давно* см. [8].

Тематическое *недавно* сочетается с НСВ прошедшим (т. е. допускает синхронный взгляд на ситуацию, обозначенную глаголом в прошедшем времени и не имеющую места в настоящем):

- (5) Еще *недавно*/ мы гуляли с ним по этим лесам;
 <...>божился что *недавно*/ под сельцом Басовым катилось в сумерки тележное колесо;
 иду *недавно* ∪ по ярмарке \.

В принципе, от толкования естественно требовать, чтобы оно предсказывало роль слова в коммуникативной структуре предложения. В данном случае эта цель не была достигнута.

ЛИТЕРАТУРА

1. Т. Г. Акимова. Значение и употребление наречия *давно* // Функциональный анализ языковых единиц. М., 1989.
2. Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28, М., 1986, с. 5–33.
3. Ю. Д. Апресян. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование. М., 1988.
4. Г. И. Кустова, Е. В. Падучева. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1994.
5. Е. В. Падучева. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.
6. Е. В. Падучева. К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета // Научно-техническая информация, серия 2, 1992, № 3.

ЧАС В СИСТЕМЕ РУССКИХ НАЗВАНИЙ ВРЕМЕНИ

0. Мы будем рассматривать *час* в аспекте качественной спецификации времени, которое мыслится как вместилище событий, как «другое название для жизни» [3, 113]. Подобное описание в применении к слову *час* предполагает рассмотрение двух ассоциативных линий: лингвистическую (п. 1) и культурно-историческую (п. 2).

В (п. 1) мы сравним *час* с такими показателями «качества», как *минута* (бытовое время повседневности, ограниченное горизонтом частного существования), *мгновение*, *миг* (надбытовое время исключительного, эмоционально напряженного, незабываемого)¹. Кроме того, *час* мы сопоставим с *порой* — называющей фазу космологического цикла. Со всеми перечисленными словами *час* коррелирует либо в плане внутриязыковом, синхронном (*час* vs. *минута*), либо в плане межъязыковом. Мы имеем в виду различную судьбу *часа* в славянских языках: в сербско-хорватском *час* — это и 'час', и 'мгновение', в западных языках *час* значит 'время' и 'погода'. Эти межъязыковые соотношения актуализируют в русском *часе* его диахронию.

В (п. 2) мы рассмотрим корреляции *часа* и *дня*, восходящие к библейскому пониманию этих слов, их месту в общей системе названий времени в Ветхом и Новом Завете. Поскольку первому из названных вопросов посвящена отдельная работа [7], где на большом корпусе материала выявляется и описывается место *часа* в русской языковой картине времени, здесь мы лишь наметим эту линию тезисно, сосредоточившись в основном на втором круге сопоставлений.

Рассматривать мы будем только форму единственного числа — *час*, поскольку именно она является модельобразующей: по сравнению с формой мн. числа *час* обладает неким потенциалом неопределенности и возможностью к обобщению, типологизации описываемого временного отрезка. Так, можно говорить о *часе* (а не о *часах*!) *возмужания/становления личности*, о *часе* (а не о *часах*) *прозрения нации*.

Работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда.

¹ Подробнее об этих словах как качественных спецификаторах времени-жизни см.: [6].

1. 1. Начнем с наиболее очевидной языковой ассоциации: *час / минута*. Рассмотрим пример: *К минуте мщенья приближаясь, / Онегин, тайне усмехаясь, / Подходит к Ольге...* (А. Пушкин). *Минута* выступает здесь как манифестант времени «срочного», т. е. сигнализирует о том, что мщение запланировано Онегиным. Но это срочное время мыслится, сообщает *минута*, как бытовое, обыденное, что, в свою очередь, и мщению задает соответствующий масштаб — некоей повседневной, ничего не значащей акции. Иное дело *час мщенья*: он поднимается над повседневностью, отмечая судьбозначимые события.

То, что *минута* ограничена рамками «частного существования» и уровнем повседневности, а *час* способен подниматься до описания общезначимого и отмечать переломы в судьбе человека (общества), позволяет нам противопоставить эти слова по линии «душевное» (*минута*) / «духовное» (*час*). Ср. у ап. Павла: «...сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор. 15, 44). *Час* и отмечает некие вехи на пути становления духовного человека.

Чтобы обосновать этот тезис, обратимся к примерам: [Из поэмы Н. Коржавина «Ленин в Горках»] *Но все проходит. Снова жизнь как жизнь / И зло как зло. И, в общем, все как было. / Но тех, кто не жалел себя и нас, / Пытался вырваться из плена буден, / В час отрезвления, в страшный, горький час / Бы все равно не проклинаяте, люди.* Нетрудно заметить, что «в связке» с *часом* «отрезвление» понимается в совершенно определенном — духовном, — а не, скажем, психофизическом, смысле: утро Степы Лиходеева, к примеру, никак нельзя назвать *часом отрезвления* (*час* этот приходит к Степе несколько позже). Равно как и к слову *протрезвление* — в силу более узкой и конкретной семантики — *час* не приложимо.

Выстраивается ряд: *час потери* (но не *утери, пропажи*), *час обретения* (но не *приобретения*), *час постижения* (но не *уразумения, выяснения*). Во всех этих и подобных случаях *час* выбирает имена событий, способных пополнить духовный багаж, отмечая тем самым этапы роста личности или общества, но общества, заметим, понимаемого по аналогии с личностью, а не, скажем, в экономическом, общеисторическом планах, к которым понятие «часа» не приложимо.

Духовное время направлено (это, действительно, «путь»). Поэтому каждый отдельный *час X-а* мыслится не изолированно, но в некоей перспективе: он закономерен в плане «роста». Понятно поэтому, что с именами, однозначно называющими ду-

ховное, а не душевное, *минута* не сочетается, ср.: *час покаяния*, но *минута раскаяния*.

Поскольку душевные состояния в принципе хаотичны, не отмечены какой-либо «путеводной» заданностью, *минуты* могут быть «хорошими» и «дурными», «злыми» и «добрыми». Сказанное справедливо и для нейтрального слова *время*, обладающего к тому же и более широкими, по сравнению с *минутой* и *часом*, возможностями описания. При *часе* же X-ами не могут быть названия событий, ситуаций, исключающих осмысление в перспективе «пути», «духовного роста». Ср. в связи со сказанным следующие ряды противопоставлений: *час смирения*, но не *упрямства*, не *своеволия*, не *гордыни*, не *тщеславия*, не *суесловия*; *час прощения*, но не *осуждения*; *час верности*, *мужества*, но не *час предательства*; может быть *час сомнения*, но не *час малодушия*; *час беспамятства*, но все же не *час отупения*, *обурения*. Мы видим, что *часом* не могут быть отмечены события, либо исключающие возможность будущей просветленности, либо прямо ведущие к духовной гибели. Ср. между тем корректность сочетаний типа *минута малодушия*, *время гордыни и суесловия*; *минута упрямства* и *время всеобщего обурения*.

Духовному времени чужды и равного рода утилитарные понятия, поэтому может быть *время* (а не *час*!) *здорового смысла*, *торжества практицизма*, *бережливости*, *осмотрительности*.

1.2. Следующая коррелятивная линия: *час* / *миг*, *мгновение*. *Миг* описывает уникальное, неповторимое, единичное, а *час* — типологизированное, обобщенное, поэтому *миг осознания* единичен, конкретно-референтен, неожиданен, редок, а *час осознания* всеобщ и закономерен.

Оба временных показателя описывают нечто, поднятое над повседневностью, особо важное с точки зрения говорящего, но *миг* вне планов, неожиданен, всегда нов; *час* же мыслится, скорее, в терминах неотвратимости и предрешенности: событие, отмеченное *часом*, не случайно. Пример: *Онегин, помните ль тот час, / Когда в саду, в аллее нас / Судьба свела...*

В указанном плане весьма показательным одно словоупотребление В. В. Розанова: описывая событие трагическое, переломное в жизни писателя (речь идет о Гоголе), он осмыслил его в терминах *мига*, а не *часа*. Пример: *Помешательство — минус души, а не плюс. Но с Гоголем никак не было неинтересно в миг сожжения рукописи...* Говоря *миг*, а не *час сожжения*, В. В. Розанов отдает должное исключительности этого события, но все же не включает его в разряд судьбозначимых, а следовательно — неизбежных,

предопределенных. *Миг* свидетельствует, что, с точки зрения Розанова, «сожжение рукописи» не необходимый этап в судьбе писателя («Помешательство — минус души, а не плюс...»).

Противопоставленность *мига* и *часа* по указанному признаку подтверждается и эпитетами: *час* — *урочный, определенный, должный, заветный, неизбежный*, т. е. такой, каким *миг* быть не может.

Мы сказали об «истинности» *часа* в плане его справедливости, непреложности, но она проявляется и в том, что *час* непреодолим, его результат неотменим. *Миг* же удержать невозможно, ср. Бальмонтскую грусть по поводу того, что *Миг встречи душ уходит безвозвратно*. Заметим, что *час встречи душ* остался бы; и не просто воспоминанием, но неким результатом, определяющим дальнейшую судьбу этих «душ».

Миг как мельчайшая частица онтологического времени воспринимается непосредственно и поэтому может описываться в терминах первичного восприятия, ср.: *О, запах пламенных духов! / О, шелестящий миг!* (А. Блок); *С душою миг познав медвяный, / Еще другой ищу души* (К. Бальмонт). *Час* не может быть ни *шелестящим*, ни *медвяным*.

Элементарный *миг* схватывается непосредственным восприятием, и эпитеты отражают эти первичные ощущения *мига* (вкусовые, звуковые, тактильные); обобщенный же *час* предполагает и некоторое осмысление описываемого, рефлексию. Становится понятно, почему у символистов «позвякивали» именно *миги*, а не, скажем, *часы*.

Противопоставленность *мига* и *часа* по признаку отсутствие / наличие духовной рефлексии хорошо видна в следующем словопотреблении: *Но в час, когда последняя граната / Уже занесена в твоей руке / И в краткий миг припомнить надо / Все, что осталось вдалеке...* (К. Симонов). *Миг* и *час* здесь относятся, по существу, к одному и тому же отрезку временной (= жизненной) оси, но интерпретируют его по-разному: *час*, манифестант времени духовного, квалифицирует этот отрезок как решающий, судьбозначимый, *час* здесь — это время выбора, определяющего личность; *миг* же, являясь неким «растяжением самой души» (дефиниция времени переживаемого, данная Вл. Августинном), охватывает во внутреннем созерцании всю жизнь. Можно сказать и так: *час* — это взгляд на описываемое «с высоты» духовного опыта, прожитой жизни, а *миг* — это спонтанное восприятие, не сверенное с духовным опытом (и шире — шкалой, системой ценностей).

И наконец, использование *часа* и *мига* относительно таких понятий, как «жизнь», «творчество», «рождение», «создание», позволяет заметить явную личностную ориентацию *часа*, его персонцентричность: *часом* могут быть отмечены «жизнь», «рождение», «смерть» человека, личности, либо же феномена, который мыслится по аналогии с человеком, наделяется личностным началом.

Миг же свободно описывает любые природные проявления, в каких-то случаях являясь «естественным», природным аналогом *часа*, ср.: *И в куколке, до мига воплощенья, / Всю зиму мотылек лелеет плоть* (К. Бальмонт) — *час воплощенья* так или иначе «персонцентричен».

1.3. Несмотря на историческую общность — первоначально *час* и *пора* описывали время активное, деятельностное (по пословице, *Час придет и пору приведет*), — эти слова, даже если отвлечься от очевидной количественной разницы, сопоставимы лишь отчасти. Отметим всего одну особенность: *час* в принципе не может мыслиться как прошедший, ср.: *Прошла пора сомнений и надежд* при невозможности **Прошел час осознания*.

Таким образом, *час* и *пора* сопоставимы только в тех случаях, когда речь идет о чем-либо наступающем или наступившем, но не прошедшем. Это примеры типа: *Пришла твоя пора; Мой час настал* (тривиальные аналогии между *часом* и *порой* при обозначении времени суток — *вечерняя пора/вечерний час* — мы, разумеется, оставляем без внимания). В данной, общей для *часа* и *поры*, области они описывают нечто, близкое смыслу 'своевременность'. Однако у каждого из слов свои основания для утверждения этой своевременности. Они-то, по нашему мнению, и являются смысловым стержнем противопоставления *часа* и *поры*. В пояснение сравним примеры: *Пришел твой час / Пришла твоя пора*. *Пора* сообщает о наступлении, в силу накопления необходимых признаков, нового периода в развитии ситуации — времени, благоприятного для действий, активных проявлений; эта «вызревшая» *пора* как бы и открывает следующую временную (= деятельностную) перспективу. *Час* же, прежде всего, не «вызревает», не «накапливается» (предшествующим ходом вещей); выражение *час настал* может описывать наступление события в полном отрыве от каких-либо аспектов ситуации (т. е. не мотивируемое внешним развитием), ср. блоковское: *Но час настал И Ты ушла из дому...*

Час, пробивший, наступивший, пришедший, не обязательно предполагает открытие новой деятельностной перспективы — он может быть и последним во временном (= жизненном) ряду; *пора* же,

наступившая, пришедшая, в принципе не может быть последней, она не может быть заключительной точкой развития, разрешающим итогом.

Тяготение *часа* к описанию духовной, ментальной, а не, скажем, физиологической сферы, сферы природных ритмов и закономерностей, хорошо видно из сопоставления возможностей таких сочетаний, как *пора возмужания* и *час возмужания*. Понятно, что в отличие от *поры*, *час* может быть и «несвоевременным» с точки зрения «естественного» роста: *час возмужания* может постигнуть и ребенка, и духовно незрелого взрослого. При этом, говоря о *часе возмужания нации*, мы имеем в виду «воспитание духа путем прохождения через трудности», говоря же о *поре возмужания нации*, мы, скорее, подразумеваем всесторонний расцвет. И подчеркнем, дело здесь не в масштабе: *часом* для русской нации можно, по-видимому, считать период ига, а *порой* — скажем, XVIII в. или же начало XIX (победу над Наполеоном и под.).

Такие характеристики *часа*, как «духовность», «судьбозначимость», «неизбежность», заставляют нас вспомнить о *часе* библейском, *часе* Нового Завета. И здесь мы с необходимостью выходим за рамки языковых сопоставлений и включаемся в ряды культурных ассоциаций.

2. Бог в Библии разговаривает с человеком на языке времени активного: посылая на землю *дни бедствий*, *годину искушения* и под. Понимать «знамения времен» — значит понимать смысл происходящего. В Ветхом Завете сроки свершения земных судеб предсказываются в терминах *дней*, *времени*, *лет*, *времен*, но окончательным, всеразрешающим, сроком является День Господень — Судный День, День Страшного Суда, Второго Пришествия.

Новый Завет несет идею нового срока — *часа*, *часа* Иисуса. И *час* этот становится как бы естественной частью ранее предсказанного *дня*.

Несколько слов о библейском *дне*. *День*, принадлежащий, по выражению Ф. И. Буслаева, к «нижнему», «глубинному слою языка» — мифологическому, языческому [2, 270]. — в Библии может обозначать как известную часть времени от захода до захода солнца, так и время вообще; *день* это и орудие в руках Господа (единица макрокосма), и синоним человеческой жизни, самая естественная, органичная единица человеческого микрокосма: *В Твоей руке дни мои* (Пс. 30, 16); *...И умер Иов, насыщенный днами* (Иов 42, 17); *Всех же дней Мафусаила было девятьсот шестьдесят девять лет; и он умер* (Быт. 5, 27); *Дней наших — семьдесят лет* (Пс. 90 (89), 10); *Я сказал: Боже мой! не*

восхити меня в половине дней моих (Пс. 102 (101), 25) — все это традиционные библейские формулы использования *дня*.

Понятно, что изоморфизм *дня* определяется тем, что именно это слово задает ассоциацию с неким жизненным целым, предполагающим «восход», «зенит», «закат». Однако, в свете обсуждаемой темы, не менее важно и то, что *день* — это непосредственный слепок с жизни, которая движется восходами и заходами солнца. В этом смысле время *дня* (или *дней*) — это время внешнего пространства бытия, данного в непосредственном восприятии, неминуемого и общего для всех: по слову поэта, *Я брошен в жизнь, в потоке дней / Катящую потоки рода. У часа же нет этих космологических ассоциаций — диктующих выход во внешнее жизненное пространство. Поэтому с появлением часа открывается возможность описания времени внутреннего созерцания, времени индивидуальности и личности, времени как духовной категории.*

Весьма показательным, между прочим, и то, что в Ветхом Завете в терминах *дней* описываются реалии, которые позже, с развитием системы временных обозначений в сторону уменьшения масштаба (и тем самым — проекцией на внутренний микрокосм!) стали интерпретироваться с помощью «душевных» *минут*, эмоциональных *магновений* и под., ср.: *И ныне изливается душа моя во мне: дни скорби объяли меня* (Иов 30. 16).

З а м е ч а н и е. Подчеркнем: *час* Нового Завета — это не лингвистическое нововведение, следствие языка, на котором написаны Евангелия. В древнееврейском языке был «час» (*шаа*) как обозначение части суток, и это слово встречается в Книге Пророка Даниила в значении момента («точки») и в количественном значении.

Как кажется, выбор в Новом Завете именно *часа* (а не, скажем, *времени* или *дня*) для описания определенного круга ситуаций и реконструкция на основе этого выбора нового типа времени относятся к области мировоззренческих проблем. Последовательность и регулярность перевода новозаветного *ώρα* в Евангелиях на вульгате, церковнославянском и русском (здесь мы опираемся на сопоставление параллельных текстов Евангелия от Матфея [3]) — позволяет усмотреть в этом слове некую терминологическую значимость — соотносимость с общей системой языка времени в Библии².

² Нужно сказать, что практика современных переводов Библии далеко не так щепетильно относится к этой строгости библейских времен и сроков. Так, к примеру, в симфониях «модернизированных» англоязычных Библий «час» отсутствует, и соответствующий новозаветный прототип расплывается в переводах через *time*, *moment* и под. Сказанное в какой-то степени относится и к переводам библейского *дня*: в современных версиях *день* перестает восприниматься как базовая единица библейского времени-жизни, ср. переводы традиционных библейских формул: *...И умер Иов, насыщенный днями* (Иов. 42. 16) — *And then he died at a very great age* [3, 537]; *...число дней твоих очень велико* (Иов. 38. 21) — *...you're so old* [3, 533]; *...дни скорби объяли меня* (Иов 30. 16) — *there is no relief for my suffering* [3, 527].

Впервые мы о *часе* слышим на брачном пиру в Кане Галилейской: «И как недоставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус же говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? *еще не пришел час мой*» (Ин. 2. 3–4).

Час этот мыслится как некий тайный срок, который не зависит ни от воли отдельных лиц, ни от внешних событийных поворотов (мы идем дальше по тексту Евангелия от Иоанна): *И искали схватить Его; но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его* (7. 30).

Час Нового Завета задает перспективу нового времени. Наметим тезисно его отличительные черты.

1. «Персоноцентричность». Если *день*, движимый восходами и заходами солнца, является носителем родо-временной перспективы (выражение В. Н. Топорова), то *час* «движется» поступками людей и задает перспективу личностную: наступление или ненаступление «часа» определяется духовными человеческими проявлениями: *...вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников <...>: вот приблизился предающий Меня* (Мф. 26. 46)³. Этот пример хорошо показывает, как изменение, условно говоря, «масштаба» в названии сокровенного срока (от *дня* к *часу*) задает новое зрение, ведь деталями, по которым можно судить о приближающемся «часе», являются именно поступки отдельных людей, их душевные проявления, а не, скажем, какие-то природные знамения (которые могли бы сигнализировать о приближении «дня»). Отсутствие стойкости учеников, их колебания тоже служат своего рода «знаком» приближения *часа*: *Вот, наступает час, и наступил уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного...* (Ин. 16. 31–32). Заметим, что этот *час* именно ощущается, прозревается, угадывается — так, как *день* угадываться не может.

2. Духовность, в основании которой лежит крестная жертва самого Иисуса. *Час* манифестирует время, испытывающее; Иисус (это повторяется во всех синоптических Евангелиях) говорит ученикам: *Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать* (Мф. 10. 19). Мы видим, что путь учеников мыслится как повторение «часа» Учителя, прохождение через «час». Таким образом, испытание является необходимым условием обретения этой новой временной ментальности.

³ В оригинале относительно «часа» и относительно «предающего» используется один и тот же глагол ἵσχυμαι.

3. *Час Иисуса* основывается на свободе выбора, наличии «воли выбирающей», которая предполагает не природное стремление, но свободное решение, т. е. относится к категории личности. Отцу Г. Флоровскому принадлежат слова: «...Христос есть потрясение для природного порядка и ритмов» [4, 323]. Таким «потрясением» и является *час Иисуса*, *час* времени Нового Завета, описывающий перелом, слом привычного порядка, выход за пределы возможностей ветхого человека. Мы помним, как проходило Гефсиманское бдение, но в итоге мы слышим: *Кончено; пришел час; вот, предается Сын Человеческий в руки грешников* (Мк. 14. 41). *Часа* можно избежать, *час* может миновать человека (в отличие от *дня*, который мыслится как некая «пядь»⁴ жизненного пространства, пройденного или подлежащего, неминуемого и всеобщего), ср.: *И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей* (Мк. 14. 35).

4. Отмеченные особенности новозаветного *часа* подводят нас к мысли, что *час* открывает возможности трансцендентного понимания времени.

Во-первых, время *часа* не связано условиями масштаба, протяженности жизненного пространства. В подтверждение приведем отрывок из речи В. О. Ключевского о преп. Сергии Радонежском, хорошо иллюстрирующий такую временную ментальность: *Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои рассеянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу. Понятно, что событие, о котором говорит историк, не поддается иной временной локализации — скажем, в терминах *дней* или *лет*.*

Во-вторых, *час* может мыслиться вне какой-либо последовательности, между тем как *день*, явно или неявно, несет идею места на календарной (= жизненной) оси, места, которое подразумевает некое «до» и некое «после»: *день* может быть *предстоящим, предшествующим, последующим*, к *дню* можно *идти*; о *чase* же можно сказать «теперь» и «всегда» (*...и чей-нибудь уж близок час...*)⁵.

⁴ Ср.: «Вот, Ты дал мне дни, как пяди, и век мой, как ничто пред Тобою» (Пс. 39 (38) 6).

⁵ В применении к библейской тематике можно было бы, по-видимому, говорить, что «идеология» *дня* и *часа* диктует разное ожидание Парусии: *день* задает понимание «в скором времени» в смысле календарного срока, а *час* — в смысле того, что всегда «при дверях».

Приведем пример, хорошо отражающий эту особенность *часа*: Мы держаем молитвенно звать: «ей, гради, Господи Иисусе» и внимать Его ответному обетованию: «ей, гряди скоро!» во всякое время, когда слышит Его сердце и призывает Его *час истории* (о. С. Булгаков). Заметим, что *час* и в *истории* открывает свое, не поверхностно-событийное содержание: при всей необычности сочетания *час* (а не, скажем, *момент*, *период*) *истории* в описываемой ситуации оно, по-видимому, единственно возможное.

Подчеркнем: невозможность поляризации некоторых событий *часа* на ось дней, условно говоря календарную, связана не с отсутствием какой-то более «точной» информации о них (их расплывчатостью, рассеянностью в жизненном пространстве), но именно с принципиально иной сферой их обитания, реализации: события *дня* реализуются «здесь», а события *часа* могут реализоваться и «там», за гранью дней, за пределами видимой физической реальности, ведь и День Судный мыслился в духе хилиастического осуществления «здесь», между тем как *час* (*час последний*)⁶ задает перспективу перехода и тем самым связи временного и вечного, ср.: *Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их* (Ин. 13, 1).

Быть может, и в идее *последнего дня* (*extrema/somma dies*) носителей дохристианского сознания акцентировался момент расставания с этим миром, а понятие *последнего часа* несло новую идею — встречи в мире том, а значит ответственности, жизненного счета, итога. И быть может, это традиционное соединение *дня* и *часа* в проклятиях и прославлениях каких-либо жизненных моментов тоже несет следы различных ориентаций, ср. у А. Ахматовой: *Пусть миру этот день запомнится навеки, / Пусть будет вечности завещан этот час..* Во всяком случае язык Нового Завета весьма чувствителен к этой противопоставленности *часа* и *дня* по линии трансцендентного и реалистического понимания времени. В подтверждение приведем отрывок, в котором говорится о наступлении суда Божиего, но так как суд этот вершится в Откровении, в воображаемом пространстве пророческого прозрения, в тексте мы видим *час*, а не *день*: ...и говорил он [Ангел] громким голосом: *убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо*

⁶ Заметим, что современное сознание последний жизненный срок осмысляет скорее в терминах *часа* (*час смертный/последний*), между тем как для ветхозаветного сознания естественным является осмысление в терминах *дня*, так в Книге Иова мы встречаем выражение *до моего смертного дня*.

наступил час суда Его; и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море, и источники вод (Откр. 14, 7).

З а м е ч а н и е. Относительно этого примера можно сказать и так: выбор *часа* подчеркивает, что речь идет не о суде Божьем (который еще не наступил), а о прообразе этого суда, т. е. час в сочетании *час суда* подчеркивает неканоничность использования имени события. Аналогичное применение *часа* можно найти у М. Волошина в «Хвале Богоматери», где понятия Спасения, Воскресения, Суда прилагаются к Богородице, а не к Сыну, и *час* выступает как необходимая замена каноническому *дню* (Судному, Второго пришествия), ср.: *В грозный час, когда над нами, / Над забытыми гробами / Протрубит труба, / В час великий, в час возмездья, / В горький час, когда созвездья с неба упадут, / И земля между мирали, / Извергаясь пламенами, / Предстанет на Суд, / В час последний в тьме крошеиной / Над своей землей грешной / Ты расстелешь плат...*

Час с необходимостью заменяет *день* (несущий ветхозаветные ассоциации) и в повме К. Бальмонта «Воскресение», где описывается сотворение мира, но не по библейскому, а по индуистскому канону — сотворение всего живого (и *час* здесь — это время великих сроков): *В час, когда я строил небо, / Без стропил и без подпорок... В час, когда зерно возникло... В час, когда в деревьях, в травах, / Силой духи волево, / Сокровенно заиграли / Чары тайного огня...*

Тезис о реалистичности *дня* и умозрительности *часа* находится в полном согласии с этимологией этих слов: исходно *день* связан со зрительным образом (многие этимологи возводят *день* к *di- 'сиять, излучать свет'), *день* описывает некое пространственно-временное единство (как кажется, именно пространственность определяет «адептную» область реализации событий *дня*); *час* же, обозначающий время активное, «срочное», свободен от какой-либо пространственности и поэтому способен описывать внутреннее созерцание, задавать область локализации событий как «здесь», так и «там».

Противопоставленность *дня* и *часа* по линии наличия/отсутствия «пространственности» — оппозиции, которая является, по сути, другим названием кантовских категорий внешнего и внутреннего созерцания, — видна из сопоставления простейших примеров: о *дне* мы говорим *длинный / короткий*, а о *часе* — *долгий / краткий* (т. е. такой, который показался *долгим* или *кратким*). *День* можно *видеть*, т. е. воспринимать непосредственно, быть его *свидетелем*, ср.: *В те дни — а вы их видели / И помните, в какие, — / Я был из ряда выделен / Волной самой стихии* (Б. Пастернак); [о похоронах Пастернака] *Перед ним плелась ненужная машина. Под ним была скорбная неписательская толпа — приехавшие и местные жители, свидетели и соседи его дней, зарезанные студенты, героини его стихов* (А. Вознесенский); *час* же скорее «слышится», а не «видится», воспринимается внутренним зрением, прозревается (совсем не случайна

идиоматизация звучащего часа), ср.: *...сердце его стало качаться, как медная тарелка, но вдруг он застегнулся на все пуговицы и почувствовал: час пришел* (Ю. Тынянов).

Различие же сфер локализации событий дня и часа хорошо видно из сравнения примеров, в одном из которых с необходимостью употреблен *день*, манифестирующий начало библейской истории, а в другом — *час*, задающий выход в некое трансцендентное время, события которого если и локализуются, то в каких-то иных, не физических, измерениях: (1) *Настоящая история Откровения начинается в тот день, когда некий семит-кочевник из окрестностей Ура Халдейского услышал зов и повиновался повелению свыше*; (2) *Библия в обеих своих частях есть... повествование... о действии Бога в мире от самого начала времен и до того часа, когда перед кончиной одного из апостолов слово Откровения было вручено на хранение Церкви Христовой* (примеры взяты из предисловия академика Даниеля-Ропса к Брюссельскому изданию Библии [1]).

3. Итак, начав эту работу с лингвистических сопоставлений *часа* и его межъязыковых коррелянтов (*миг, пора...*), мы, не без влияния библейского словоупотребления, ведомые уже культурными, а не языковыми, ассоциациями, перешли к сравнению возможностей *часа* и *дня* — слов, заведомо различных, не имеющих общей лингвистической основы. У этого сравнения были две причины.

Первая. *Час* и *день* задают две различные проекции описания жизни в терминах времени, и граница, условно говоря, проходит именно между этими временными показателями, а именно — *час* (а также *мгновение, минута, миг*) проецируют события на внутренний мир: душевный, духовный, представляемый; в системе временных спецификаторов именно они предназначены для описания ментального плана жизни; *день* же (как и *дни, времена, век, эпоха, годы, лета...*) описывает мир внешний: социальный, возрастной, природный, культурно-исторический аспекты; слова этого последнего ряда являются выразителями некоего «вещного» плана жизни. В огрубленном виде можно сказать, что слова типа *час* — это темпоральные спецификаторы качества времени (= события), а слова типа *день* — это названия отрезков жизненного пространства, отмеченного событием, это *место* или *лицо* событий, ср.: *эпоха плаката, век кино...* И таким образом переход от *дня* к *часу* для нас знаменовал смену мировоззрений: восприятие жизни как локализованной вовне, сменяется или, лучше сказать, дополняется восприятием жизни в категориях внутреннего созерцания, которое с необходимостью предполагает личностную ориентацию.

Библейский же *день* в этом плане интересен тем, что может использоваться и по типу спецификатора, являясь своего рода темпоральной прокладкой при имени события, ср.: *Коня приготовляют на день битвы, / Но победа — от Господа* (Притчи 21. 31) или *Блажен, кто помышляет о бедном (нищем)! / В день бедствия избавит его Господь* (Пс. 41 (40)). Именно в силу указанной причины в современных англоязычных переводах *день* в подобных контекстах отсутствует, и событие называется непосредственно, ср.: *You can get horses ready for battle...; <...> the Lord will help them when they are in trouble...* (примеры взяты из [8]).

Второй причиной сопоставления *дня* и *часа* было отчетливое ощущение переключки между этими словами при обозначении жизненно важных сроков, навеянное культурными ассоциациями, ср.: *Онегин, помните ль тот час...* и (из Е. Баратынского) *...Забуду ль о счастливом дне, / Когда приятельской рукою / Пожал Давыдов руку мне!*; (из «Дневника» Е. С. Булгаковой) *Настал день, когда истина открылась Шиловскому и Настал час, когда истина открылась ему.*

В обоих случаях мы видим идею реализации жизненного пути, на котором *день* и *час* отмечают «вехи», при этом *день* акцентирует в этом «пути» внешнее, быть может, публичное (*день всеобщего торжества, день признания, славы*), а *час* — внутреннее, интимное (*час прозрения, постижения*). Именно *час* способен к описанию «тайных сроков», указывающих на осуществление события в пространстве внутреннего созерцания, ср.: *И час настал. Свой плащ скрутило время, / И меч блеснул, и стены разошлись. / И я пошел с толпой — туда, за всеми, / В туманную и злую высь* (А. Блок). И это понятно, ведь русский *час* в существенной степени наследует специфику *часа* Нового Завета, являясь манифестантом того типа «трудного» пути, который связан с искуплением. А поскольку новозаветное понимание *часа* актуализирует в нем идеи личностности и духовности, то и «вехами» для *часа* могут быть далеко не всякие события, ср.: *Он давно хотел испытать себя. Наконец, этот час настал и Он давно хотел отведать мороженого. Наконец, этот *час* (нужно: *день*) *настал.*

В качестве итогового приведем пример (из М. Лермонтова), в котором одно и то же событие описывается сначала с внешней точки зрения (требующей использование *дня*), а потом — с точки зрения внутренней (и тут на смену *дню* приходит *час*): *Настает день — и миром осужденный, / Чужой в родном краю, / На месте казни — гордый и презренный — / Я кончу жизнь мою...*

Виновный пред людьми, не пред тобою, / Я твердо жду тот час; / Что смерть? — лишь ты не изменишь душою — / Смерть не разрознит нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. 2-е изд., Брюссель, 1983.
2. Ф. И. Буслаев. Преподавание отечественного языка. М., 1992.
3. В. Н. Муравьев. Философские заметки и афоризмы // Вопросы философии, 1992, № 1.
4. Новый Завет. Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историческими и текстологическими приложениями. М., 1993.
5. Г. В. Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937; reprint. Вильнюс, 1991.
6. Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
7. Е. С. Яковлева. Час в русской языковой картине времени // Вопросы языкознания, 1995, № 6.
8. Good News Bible. Today's English Version. The Bible Societies. Collins Bible, 1982.

Т. Е. Янко

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ В КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

При анализе коммуникативной структуры предложений с обстоятельствами времени бросается в глаза, что некоторые из них могут выступать как в роли тем, так и рем, например, обстоятельства *завтра* или *в 1943 году* — *Завтра у нас будет заседание* vs *Заседание назначено на завтра*; *В 1943 году наши войска освободили Орел* vs *Наши войска освободили Орел в 1943 году*; а коммуникативная функция других ограничена. Так, наречия *теперь*, *порой*, *сначала*, *поначалу* и *наконец* могут быть только темами или парентезами: *Он долго вел бродячую жизнь, играл на свадьбах, в трактирах, на ярмарках и наконец попал в оркестр*. Наречие *редко* обычно бывает только ремой, ср. [12, 21]: *Черными эти земли зовут потому, что снег там выпадает редко*; *Там редко выпадает снег*. Просторечные *намедни*, *вчера*, *теперича* (*таперича*) и устаревшее *давеча* бывают только парентезами, т. е. обычно занимают во фразе срединную коммуникативно наименее релевантную позицию и не могут служить ответом на вопрос *с когда*: *Номерки теперича по ногам хлопают*.

1. Коммуникативные роли составляющих

Чтобы исследовать ограничения на коммуникативные роли и связь таких ограничений с семантикой слов и выражений, введем понятие коммуникативной роли составляющей. Для повествовательного предложения мы выделяем четыре коммуникативных роли — тема, рема, да-нет рема (она же модальная, или верификативная рема) и парентеза. Возможна и более дробная классификация коммуникативных ролей — с учетом переходных случаев. Примером переходной роли служит *заударная* (ослабленная) тема *назавтра* в предложении *Больной назавтра пришел в себя*.

Итак, в примере *Марья Ивановна — красавица* составляющая *Марья Ивановна* служит темой, а составляющая *красавица* ремой.

Примером да-нет ремы служит ответная реплика *красавица* в примере — *Марья Ивановна — красавица? — Красавица*. Это рема истинностной оценки, и она соответствует семантике слова *да*. Роль парентезы играет слово *вероятно* в предложении *Марья Ивановна, вероятно, все такая же красавица*.

Все четыре коммуникативные роли в рассмотренных примерах характеризуются различными фразовыми ударениями. Тема реализуется с повышением основного тона или в беглой речи вообще не выделяется никаким фразовым акцентом. В норме она располагается в начале предложения. Рема характеризуется выделительным акцентом и обычно располагается в конце русского предложения. Да-нет рема характеризуется более энергичным акцентным выделением, чем просто рема.

Парентеза характеризуется, прежде всего, безударностью (с точки зрения фразовых ударений), ускоренным темпом произнесения, ровным пониженным тоном, а также приверженностью к заударной — серединной позиции (после темы перед ремой) — или к концу предложения — после собственно ремы. Вводные (парентетические) слова необязательно играют роль парентез. Роль темы для многих из них тоже весьма характерна: *Во-первых, Марья Ивановна — красавица, а во-вторых, она очень умная женщина*.

2. Коммуникативные функции наречий *сейчас* и *теперь*

Ограничения на коммуникативные роли наречий *сейчас* и *теперь* отмечаются в [9, 265–271; 10, 59]. И. А. Мельчук выделяет четыре значения *сейчас*: 1) 'момент речи' (*Он сейчас занят*), 2) 'ближайшее будущее после момента речи' (*Сейчас приду*), 3) 'ближайшее прошлое перед моментом речи' (*Он сейчас где-то тут был*) и 4) *сейчас* нарративное (*Сейчас он внушал жалость*), ср. также [6; 11; 16].

Для всех значений слова *сейчас* роль ремы нехарактерна, но возможна: — *На какое время назначен визит Васи? — Вася у меня сейчас*. Здесь перед нами *сейчас!* в соответствии с классификацией И. А. Мельчука.

Заметим, что при анализе единиц с фиксированной коммуникативной функцией, например тематической или парентетической (мы называем эти коммуникативные роли слабыми, причем парентеза слабее темы), оказывается, что явление контраста повышает коммуникативную подвижность единиц с, казалось бы,

неподвижной коммуникативной функцией. Ибо, попадая в фокус контраста, единицы с фиксированной тематической ролью могут стать контрастными темами и ремами. Так, дательный субъекта, который, вообще говоря, чужд тематической роли, при контрасте может стать т. н. контрастной ремой: *Плохо без семьи — детям.* Здесь составляющая *детям* служит контрастной ремой, т. е. употребляется в контексте, где дети противопоставлены взрослым.

Контраст может служить диагностическим контекстом для единиц с ограниченной коммуникативной функцией, потому что, если тематическая просодия и особый порядок слов однозначно сообщают употреблению некоей единицы значение контрастной ремы, то это значит, что нормальной ремой она быть не может, т. е. обычно выступает только в роли темы.

Семантические особенности контрастной ремы (а также и контрастной темы) состоят в том, что 1) она содержит в себе отрицание ('*именно детям, а не взрослым*') и 2) активизирует в сознании слушающего множество, ассоциированное с денотатом контрастной ремы (темы). Это множество парадигматически связано с исходной единицей, т. е. имеет с ней общий признак.

Для наречия *теперь* мы не знаем такого контекста, в котором оно бы было неконтрастной ремой. В примере *Вместо того чтобы сделать раньше, приходится делать это теперь* рема *теперь* — контрастная.

Итак, в нашу задачу входит выявить слова с той или иной коммуникативной «полярностью» и найти семантические инварианты ограничений коммуникативных функций.

Одно из предположений касательно ограничений коммуникативной роли можно пояснить так. Тема предложения, как известно, хоть и не всегда бывает данной или известной, но, несомненно, часто. Поэтому лексемы и синтаксические конструкции со значением известного склонны выступать в роли темы. Так, для местоимения *я* нехарактерна роль ремы: в предложении *Пришел я* рема *я* — контрастная, а в предложении *Пришла Мария Ивановна* рема *Мария Ивановна* — нормальная. Хотя тематическая роль для личных местоимений нехарактерна, но все же не невозможна. Так, в следующих предложениях местоимение *я* играет роль неконтрастной ремы: *Командовать парадом буду я; Мадам Бовари это я; За старшего останусь я; Сторожем здесь я; Это я.*

Другое подобное слово — наречие *сейчас*. Для него характерно служить отправной точкой высказывания, и в роли ремы оно часто приобретает семантику контраста: *Надо сделать это сейчас, <а не завтра>.*

И. А. Мельчук показал, что наречие *теперь* обозначает время события в сопоставлении с некоторым событием в прошлом. Между тем, одно из основных средств выражения отношения сопоставления — коммуникативная структура предложения. Аргументы отношения сопоставления — это коммуникативно охарактеризованные компоненты предложений — темы и ремы [7–8; 17]: *Толя — пел, а Борис — молчал.*

Таким образом, *сейчас* показывает время абсолютного события, а *теперь* — в соотношении с другим событием, которое как бы «замещало» актуальное событие в прошлом: *Там, где две недели назад был брод, теперь омут.* Есть и другие релятивные (логические) наречия: *Раньше они были друзьями* [12, 22]; *Давал три бала ежегодно и промотался наконец.* Приведу также и английские примеры с «тематическими» словами: *Latterly he was unable to speak; Nowadays that is very expensive.* Эти слова не встречаются в рематической позиции и не отвечают на вопрос *с когда*, ибо нельзя спросить *когда?* и получить ответ *наконец*, или спросить *when?* и услышать *nowadays.*

Как уже говорилось, аргументами отношения сопоставления служат коммуникативно охарактеризованные компоненты высказывания — темы и ремы сложносочиненного предложения. Как показать, что при сопоставлении положений дел в два момента времени — в актуальное время говорящего и в прошлом, обозначение времени принимается за исходную точку — тему — и на роль ремы не претендует? Вопреки этимологии слова *теперь* (из *то първо*), *теперь* — всегда второе, потому что служит противопоставлению актуального положения дел тому, что было. Между тем, две коммуникативные роли высказывания — тема и рема — как раз противопоставлены друг другу как относительное абсолютному, ибо рема служит абсолютной цели сообщать новую информацию, а тема — для связи с другими фрагментами текста и экстралингвистической конституацией. Ответственность за такую контекстную связь в плане времени возлагается на наречие *теперь.*

Итак, *теперь* 1) обозначает период времени, включающий момент речи, т. е. время говорящего, что согласуется с его «тематической полярностью», и 2) включено в отношение сопоставления, т. е. идея «относительного» времени, которую передает наречие *теперь*, согласуется с относительностью коммуникативной роли темы.

В качестве инварианта значений, которые выделил И. А. Мельчук для *сейчас*, можно считать неразобобщенность с моментом речевого акта: *сейчас* — это личное время говорящего. А *теперь* указывает на момент речи только в связи с аналогичным моментом в

прошлом. Поэтому основная функция *теперь* не дейктическая, как у *сейчас*, а текстовая. Наречие *теперь*, подобно союзу А, обозначает отношение сопоставления, т. е. в *теперь* заключены результаты логических экзерсисов говорящего.

2.1. *Сейчас* в значении ближайшего будущего. Просторечные и устаревшие наречия, функционирующие в роли парентез

Сейчас в значении ближайшего будущего может быть только темой, в частности, заударной темой: *Ты, брат, не горюй. Мы тебя сейчас удавим* (Хармс). В просторечии *сейчас* в значении ближайшего будущего может заменяться на *ща*: *Ща как дам в морду! — Ты идешь? — Ща; Он ща придет.* В других значениях слова *сейчас* такая замена невозможна. — *Когда Васька придет?* — **Да он у меня тут ща; *Он тут ща в карты режется; *Он где-то тут ща был.*

В значении ближайшего будущего *сейчас* по своей коммуникативной функции смыкается с другими просторечными или устаревшими наречиями времени *давеча*, *теперича* (*таперича*), *намедни*, *завсегда* и *вчера*: *Собрались мы тут вчера в баню; Номерки теперича по ногам хлопают.* Важное свойство этих наречий состоит в том, что они не отвечают на вопрос с «когда?».

Почему употребление парентетических обстоятельств времени ограничено просторечием? Возможно, дело здесь в том, что парентеза — это статус многих клишированных выражений, а клише особенно характерны для просторечия. К разряду клише можно отнести и устаревшие формы вроде *давеча*, которые утратили связь с продуктивными морфемами и моделями.

Фиксированная коммуникативная роль, парентетическая в особенности, это свидетельство идиоматизации лексем, конструкций и даже структурных схем предложений, шаг на пути перехода в междометия и частицы. Перед нами готовое клише, которое не порождается согласно уровневому представлению о структуре языка, а хранится в готовом виде — в «упаковке», известной заранее.

Т. В. Булыгина обращает внимание на стилистически нейтральное выражение *все время*, «(обычно выступающее в предложении в «адлегровой» безударной форме)» и «указывающее (несколько гиперболически) на частоту отдельных «квантов» положения дел» [2, 49–50]. В нашей терминологии *все время* — это обстоятельство с фиксированной парентетической ролью.

Способность обстоятельства выступать в роли ответных реплик заслуживает отдельного обсуждения. Очевидно, что ответные реп-

лики должны иметь либо статус рем (— *Когда придет Вася? — Застря*), либо да-нет рем (— *Вася придет? — Придет; — Вася действительно придет? — Действительно*), см. [5]. Поэтому слова с фиксированной слабой функцией — тематической и парентетической — как будто бы не должны выступать в качестве ответных реплик. Однако в действительности это не всегда так.

Наречия с парентетической коммуникативной функцией — это часто внеструктурные компоненты предложения. Они выражают вероятностные, эмоциональные, истинностные и другие оценки говорящего. Они могут соответствовать фоновому знанию, которое говорящий упоминает как бы вскользь в порядке напоминания или оценки. Они могут обозначать сопутствующие обстоятельства, которые говорящий полагает не самыми важными. Единицы только с парентетической коммуникативной ролью не бывают ответными репликами. К таким, например, относятся *правда сказать, чего доброго, теперича, давеча* и др. Между тем единицы с тематической коммуникативной ролью, а также те, которые могут играть и тематическую, и парентетическую роль и которые сохранили синтаксические связи с другими компонентами предложения, могут служить краткими (аллиптическими) ответами: — *Он заходит? — Изредка; — Он придет? — Возможно*. Если опущенные при эллипсисе элементы восстановить, фразовое ударение (ремагическое) окажется на восстановленных компонентах: — *Он заходит? — Изредка заходит* (ср. — *Он заходит? — Изредка*); — *Он придет? — Возможно, придет* (ср. — *Он придет? — Возможно*). В последних примерах ремагическое ударение в ответных репликах на словах *заходит* и *придет* соответственно, а эллиптические варианты состоят из «безударных» единиц *изредка* и *возможно*. (Жирным шрифтом мы обозначили здесь слово-носитель ударения в ремагической составляющей.) Таким образом, явление эллипсиса «разрешает ставить под фразовое ударение» элементы, в обычных условиях «безударные».

3. Коммуникативные особенности наречия *давно*

В работе Е. В. Падучевой [14] замечен уникальный факт коммуникативного поведения наречия *давно*: в сочетании с глаголом в общефактическом значении *давно* может быть только ремой: *Я обедал давно; Гланды мне вырезали давно*. В этой же работе поставлена задача объяснить такую особенность.

Будем различать два значения слова *давно*: *давно*¹ — для ситуаций, которые имели место некоторое длительное время тому назад и кончились, как в *это было давно*, и *давно*² для ситуаций или состояний, которые возникли некоторое время тому назад и сохраняются или результат их сохраняется в точке отсчета, например в настоящее время, как в *давно спит, давно пришел*.

Оказывается, что так же, как и *давно*, в контексте общефактического значения ведут себя другие обстоятельства времени, например *неизвестно когда*. В сочетании с общефактическим значением они тоже могут занимать только позицию ремы: *Я пекла такой пирог неизвестно когда / сто лет назад*. Мы не останавливаемся на определении общефактического значения глагола и отсылаем читателя к работам [4, 116–144; 13, 19–23, 43–47, 61–65; 14, 321–333].

Обратим внимание на две особенности сочетания общефактического с *давно* и указанными обстоятельствами времени. Предложение в общефактическом значении не значит, что результат действия или состояния, начавшегося некоторое время тому назад, имеет место и в настоящем. Так, *давно встретился с Машей* может значить, что он и сейчас водит с ней знакомство, а *встречался с Машей давно* значит, что сейчас они в разлуке. Таким образом, предложения типа *встречался с Машей давно* значат, что некоторое событие имело место неопределенное время тому назад безотносительно к результату, который мог бы быть в настоящее время. И другая особенность состоит в том, что события произошли в такое время, которое очень далеко от говорящего. *Недавно*, в отличие от *давно*, свободно употребляется в роли темы [14]. Это легко объяснимо, так как *недавно* обозначает время, близкое говорящему и хорошо им освоенное, свежее в сознании: *Недавно // я встретился с Машей* (ср. **Давно // я встретился с Машей*, здесь знак // обозначает паузу, которая может отделять тему от ремы).

В разделе 2 мы заметили, что контекст контраста нарушает поведение слов с фиксированной коммуникативной функцией. *Давно* тоже не исключение. Здесь важным возмущающим контекстом служит да-нет значение (да-нет рема), которое представляет собой частный случай контраста. Релевантное множество здесь состоит из двух элементов — «да» и «нет». Выражается да-нет значение энергичным акцентным выделением глагола, и наречие тогда безударно. Оно входит в составляющую, которая целиком служит да-нет ремой: — *Ты только посмотри, что он пишет. — Да читала я это уже давно / Я это давно читала.*

3.1. *Давно* в сочетании с видовременными формами

Покажем, что значение действия или состояния, завершившегося задолго до точки отсчета, может быть не только в контексте общефактического. Для этого рассмотрим сочетание *давно* с видовременными формами глагола.

Давно + настоящее время (*давно тебя жду; давно ее люблю; он давно не приходит*) значит, что некоторое состояние или процесс начались в момент времени раньше момента речи и продолжаются в момент речи. *Это давно 2.*

Давно + совершенный вид в прошедшем времени может значить, 1) что в момент времени раньше момента речи (или момента в тексте) произошло событие, которое привело к состоянию, и имеющему место и в момент речи или в момент в тексте: *Он давно умер*. Такое значение глагола мы по традиции называем перфектным. Кроме того, 2) в контексте *давно* глаголы совершенного вида могут иметь и аористическое значение, а некоторые — только аористическое: *Эта история случилась/приключилась/произошла с одним моим знакомым давно*. Под аористическим значением мы понимаем обозначение события, которое состоялось в прошлом, закончилось и ушло в небытие. Аористическое значение, которое обозначает ситуацию в прошлом, противопоставлено перфектному значению, которое совмещает два временных плана — прошедшее, когда имела место ситуация, и настоящее — ее последствия. Аористическое значение сочетается с *давно 1*. Глаголы *умер* и *встретился* могут иметь оба значения — перфектное и аористическое, а *произошел, случился, приключился (со мной случай)* только аористическое.

Давно + несовершенный вид прошедшего времени в утвердительном предложении значит 1) что в момент времени, раньше определенного момента в тексте, в течение некоторого времени происходило событие, которое привело к состоянию, и имеющему место и в момент в тексте (*Я в твои годы давно полком командовал*). *Это давно 2.* 2) *Давно 1* при этом сочетании глагольных характеристик тоже может быть: *На свадьбу дочери он ездил давно; Это было давно; Это происходило в московском окружном суде давно*. Последнее значение назовем имперфектом. Здесь действие длилось некоторое время и завершилось в прошлом, и о его результатах в точке отсчета ничего не сообщается. 3) *Давно* + глагол в общефактическом значении (*Я пекла этот пирог давно*) значит, что имело место некоторое событие, которое понимается как некоторый

факт, как опыт или как тип события. Из факта осуществления события можно делать выводы и умозаключения [13, 63]. Глагол в общефактическом значении называет ситуацию, разобобщенную с точкой отсчета.

Давно + несовершенный вид с отрицанием (*Я давно не пекла такой пирог*) имеет то же толкование, что и *давно* + настоящее время.

Анализ сочетаемости *давно* с видовременными формами глагола показывает, что в сочетании с настоящим временем, перфектом и в контексте отрицания представлено *давно2*, а в сочетании с общефактическим, имперфектом и аористом — *давно1*. Иначе говоря, в контексте видовременных форм, поддерживающих связь «прошлое-настоящее», реализуется *давно2*, а где связь времен прервалась — *давно1*. Отсюда можно предположить, что 1) когда *давно* (а также гиперболическое *сто лет назад* и *неизвестно когда*) относится к событию, закончившемуся в прошлом и не имеющему связи с настоящим, оно играет роль ремы и 2) различие в значении между *давно1* и *давно2* можно отнести за счет значения глагола. (Заметим, что возмущающее действие да-нет значения в контексте аориста и имперфекта сохраняется: *Что должно было произойти / случиться — давно случилось / произошло*.)

Известно, что далекое от говорящего — новое, необычное, уникальное, странное, неизвестное, неопределенное, отличное от нормы — склонно образовывать рематическую составляющую. Приведем примеры с прилагательными *новый*, *странный* и др.: *Новый тип офтальмоскопа разработали недавно югославские врачи; Новую партию игрушек выпустила кунцевская деревообрабатывающая фабрика; Уникальный контрольно-пропускной пункт открылся на чешско-венгерской границе; Какая-то мнительность мешала ему ладить с людьми; Странная мнительность мешала ему ладить с людьми*. Поэтому рематичность *давно* в контексте отсутствия связи с точкой отсчета не вызывает удивления — давнее, далекое, странное, чужое склонно к роли ремы: *Эта история произошла с Васей давно — Эта история произошла недавно с Васей — *Эта история произошла давно с Васей; Он был у нас давно — Он недавно был у нас — *Он давно был у нас; Все это происходило в одном уездном городе давно — Все это недавно происходило в одном уездном городе — *Все это давно происходило в одном уездном городе*.

Особый сюжет представляет собой сочетаемость *давно* с будущим временем. *Давно* + будущее время выражает вторичный дейксис — точка отсчета переносится в будущее (у будущего без

давно точка отсчета — момент речи). Суть этого значения прекрасно выразил Пастернак: «Я вижу... // *Всю будущую жизнь насквозь // Все до мельчайшей доли сотой // в ней оправдалось и сбылось*». Будущее в сочетании с *давно* выражает ситуацию предсказания, предвидения, предчувствия, ожидания, переноса в умоглядный мир: *Завтра я в это время давно буду дома*. Другой контекст — будущее нарративное: *Вскоре семья переедет в Москву. Здесь он пойдет в школу. Война к этому моменту давно кончится*. Поскольку точка отсчета в таких контекстах не простая, а сдвинутая, она играет особую роль в конструкции с *давно*. Поэтому здесь релевантны только те ситуации, которые сохраняются в точке отсчета. Как нам представляется, значения *давно 1* здесь не возникает. Если требуется выразить значение, которое имеется у *давно 1*, используется конструкция с недейктивным *задолго до*: *Здесь он пойдет в школу. Революция произойдет задолго до этого. Давно в подобном контексте возникает только в да-нет значении: Все, что должно случиться, давно произойдет — погибнут в лагерях родители — старые революционеры, потеряет работу старший брат*. Можно заключить, что рематическое *давно* практически не употребляется в контексте будущего времени — специально сконструированные примеры представляются странными: *К этому моменту он будет бодрствовать уже давно и устанет — тогда на него будет легко напасть*.

Мы исходим из единства лексемы *давно*, а различие между традиционными *давно 1* и *давно 2* относим на счет значения глагола. В предложениях с наречием *давно* имеется подвижный компонент толкования — сохранение в точке отсчета состояния или результата действия, которое имело место или началось ранее точки отсчета. Этот компонент связывает далекое прошлое с точкой отсчета, поддерживая связь времен. Так точка отсчета, например настоящее время, включается во время события, начавшегося задолго до момента речи. Если значение глагола исключает этот компонент, наречие далекого от говорящего времени *давно* может занимать только рематическую позицию. Не следует, однако, думать, что если *давно* — рема, то связь с точкой отсчета всегда отсутствует: в настоящем времени и в перфекте точка отсчета — настоящее время — входит в видовременное значение и не уничтожается, даже если *давно* служит ремой: *Он живет здесь давно; Он приехал давно*. Наша импликация формулируется таким образом, что если связь с точкой отсчета отсутствует, *давно* может быть только ремой. А глагольные значения, которые поддерживают связь времен, сочетаются как с «рематическим»,

так и с «тематическим» *давно* в зависимости от целей говорящего и направляющей роли контекста.

Итак, у наречия *давно* две коммуникативные особенности: оно не бывает нормальной темой, а только заударной, и в контексте аориста, имперфекта и общефактического может быть только ремой. Первую особенность мы объясняем тем, что *давно* по причине удаленности от говорящего — плохое начало. А свойство обязательной рематичности *давно* в условиях отсутствия связи с точкой отсчета — это проявление той же семантической особенности, только поддержанное контекстом глагольного времени.

3.2. Коммуникативная асимметрия синонимов и антонимов

Чтобы показать, что рематичность *давно* в контексте прошедших времен не является случайной, приведем примеры других слов с рематической полярностью. Подобно паре *давно* и *недавно*, различие по степени удаленности от говорящего демонстрирует пара *далеко* и *недалеко*, что подтверждает нашу гипотезу о связи семантики удаленности от говорящего, чуждости, а также странности, неожиданности и несоответствия норме, с ролью ремы. Среди примеров с *далеко* и *недалеко* можно найти минимальные пары, в которых *далеко* может быть только ремой, а *недалеко* — и темой, и ремой. Видовременная форма глагола, естественно, роли не играет, так как здесь речь идет не о времени, а о странстве: *Вася недалеко ушел от Пети* — *Вася далеко ушел от Пети* — **Вася далеко ушел от Пети*.

Сравним также *много* и *мало*: *Он принес много книг* — *Он принес мало книг* (см. [3], а также [19] о рематичности французского *peu*, которое противопоставлено «безударному» *un peu*). В первом предложении составляющая *принес много книг* может целиком служить ремой, тогда ударение фиксируется на словоформе *книг*: *Он принес много книг*. Во втором случае ремой может быть только *мало*. Оно выражает более существенное отклонение от нормы, чем *много*. Аналогичную картину можно наблюдать и при сравнении *часто* и *редко* (или *нечасто*). *Часто* более нормально, чем *редко* и *нечасто*, если судить по предрасположенности к роли ремы.

Почему различны коммуникативные функции у синонимов *давно* и *давным давно*? И вообще, следует ли считать, что коммуникативное поведение лексем полностью определяется их семантикой? По-видимому, связь между лексическими значениями и связанными с ними коммуникативными ролями не всегда

однозначна. Так, сравнение *давно* с *давным давно* (ср. [1]) говорит о специальной интродуктивной функции, которая есть у *давным давно* и которой нет у *давно*. Отличие от стандарта, неосвоенность сознанием говорящего, отступление от нормы, неизвестность, странность, удаленность провоцирует рематичность соответствующей составляющей, но не всегда стопроцентно предсказывают ее, так как в значение лексемы могут входить другие значения, которые меняют коммуникативную полярность лексемы. Так, у *давным давно* есть интродуктивный компонент значения, ср. также *как-то раз, когда-то, когда-то давно, в стародавние времена, once upon a time*. Семантика слова *редко* (а также слов *нечасто* и, скажем, *нерегулярно*) запрещает ему употребляться в роли темы — если что-то бывает редко, это вопиюще нарушает норму, не так, как часто, а гораздо серьезнее. Поэтому *редко* употребляется только в роли ремы. Между тем, у слова *изредка* та же семантика, что и у *редко*, плюс некоторое дополнительное значение, которое «смягчает» отступление от нормы. Это делает *изредка* «тематическим» коррелятом «рематического» *редко*: *Изредка приходит Вася; Он изредка заходит*.

Мы показали, что коммуникативная «асимметрия» синонимов, таких, как *давно* и *давным давно*, *редко* и *изредка*, возникает за счет того, что у одного из них может быть специально наведенная ему коммуникативная семантика, погашающая рематизирующий эффект лексического значения, в котором заключена удаленность от говорящего или от нормы. Коммуникативная асимметрия антонимов, таких, как *много* и *мало*, *редко* и *часто*, происходит из заключенных в языке представлений о том, что превышение нормы, которое в некотором смысле гарантирует соответствие ей, меньше выходит за рамки стандарта, чем отклонение от нормы в сторону недостатка. Коммуникативная асимметрия пар антонимов *давно* и *недавно*, *далеко* и *недалеко* основана на оценке дистанции, которая существует между говорящим и тем, о чем он говорит, — все, что далеко, ведет себя в коммуникативном отношении не так, как то, что близко. Близкое может быть и темой, и ремой, а далекое имеет рематическую полярность. Для анализа наречий, заключающих в себе сравнение с нормой, Н. Д. Арутюнова предложила мне (в частной беседе) использовать преобразование с союзом *но*: *Принес книги, но мало* — **Принес книги, но много*; *Приходит, но редко* — **Приходит, но часто*. Из примеров с *но* видно, что *редко* и *мало* нарушают норму, а *часто* и *много* нет. Для анализа наречий, чья рематичность объясняется не сравнением с нормой, а временной или пространственной

удаленностью, тест с *но* не годится: *ушел, но недалеко* — **ушел, но далеко*.

И последнее замечание касается коммуникативных и семантических особенностей наречия *недавно*. Во-первых, оно не сочетается с глаголом плюс отрицание подобно *давно*, потому что *не приходит и не приходил* — это уже значит, что *давно*. Значит, *недавно* здесь неуместно. Кроме того, его сочетаемость с настоящим временем тоже сильно ограничена. Так, нельзя сказать *Он недавно спит* или *Он спит недавно* (ср. *Он давно спит*). А в сочетании *Он живет здесь недавно и работает у нас недавно* наречие занимает рематическую позицию. Между тем, *давно*, наоборот, в таком контексте может быть и в роли заударной темы: *Он давно здесь живет; Он давно у нас работает*. Значит, в таком контексте тенденция к рематизации направлена в противоположную сторону по сравнению с контекстами прошедших (без следа) времен: здесь рематично *недавно*, а не *давно*. Эту особенность мы связываем с отношением к норме. В данном контексте более нормально жить и работать долгое время, а не короткое, ср. *Он у нас работает, но недавно* (*но *давно*). Рематичность *недавно* в контексте глаголов, обозначающих развитие событий в долгих интервалах, связано с отношением к норме, которую нарушает семантика *недавно*, сокращая сверхдолгий интервал.

3.3. Контексты, снимающие запреты

При обсуждении запретов на коммуникативные роли лексем мы упомянули о некоторых явлениях, которые снимают запреты, чтобы читатель не рассматривал примеры, которые по ходу дела могут у него возникнуть, как опровергающие основную гипотезу. Существуют другие, не упомянутые выше контексты. Важный тип предложений, который «возмущает» поведение рематических слов, таких, как *давно* (в отсутствии связи с точкой отсчета), *редко*, *далеко* и *нечасто*, — это предложения нерасчлененной коммуникативной структуры. Здесь слова с рематической полярностью входят в состав предложений, которые сами целиком служат ремой. В таких предложениях *давно*, *редко* и *нечасто* безударны (с точки зрения фразового ударения): — <Ты почему такой грустный?> — *Обедал давно / Маша редко приходит / Маша к нам нечасто заглядывает / Маша далеко живет / Маша мало занимается*. Здесь рематичность предложения в целом маркируется ударностью словоформы, которая выбирается в соответствии с определенными правилами [18]. Поэтому в таких предложениях лексемы с «рематической» полярностью и, соответственно,

ударные, могут утратить свой обычный акцент, т. к. в соответствии с вышеупомянутыми правилами носителем фразового акцента, формирующего все предложение в целом как единую некусусную составляющую, служит не наречие.

И последнее замечание, которое тут следует сделать, касается не содержательной, а формальной стороны дела, однако оно может прояснить многие недоумения, связанные с коммуникативной структурой предложений с рассмотренными наречиями. Существует правило расстановки фразовых акцентов, применяемое к рематической составляющей, которая состоит из более чем одной группы — двух именных групп или группы наречия плюс именная группа или из двух или более сочиненных групп. В примерах ниже такая сложная в синтаксическом отношении рема выделена курсивной разрядкой: *Подстерег — монах девку; Они сфотографировались в Москве на Арбате.* В такой синтаксически сложной реме неконечные группы несут на себе восходящий (т. е. нехарактерный для ремы) акцент, и только конечная группа имеет «рематический» акцент. Если в подобное скопление независимых групп попадает наречие, пусть даже с рематической полярностью, оно получает нехарактерное восходящее ударение: *Это было давно и неправда; Это происходило давно в одном уездном городе; Наведывался он сюда редко в одну соседскую семью.* Об интонировании сложных в синтаксическом отношении коммуникативных составляющих см. также [5, 184].

* * *

Мы рассмотрели обстоятельства времени с дефектной коммуникативной парадигмой и установили некоторые связи семантики лексем с их коммуникативной ролью: тематическая роль связана с личностью говорящего, идеей временной и пространственной близости к говорящему и с отношением сопоставления; парентетическая — выражает позицию говорящего по отношению к сообщаемым фактам и соотносится с образованием диалогических клише. В яркий «рематический» оттенок окрашены слова, фиксирующие дальность, чуждость, неизвестность, неожиданность, новизну, отступление от стандарта в сторону недостатка. Содержащаяся в них информация не освоена говорящим — неизвестна, невероятна, забыта, далека. Для таких слов нехарактерно служить темой — исходной точкой высказывания. Выясненные коммуни-

кативные особенности высвечивают представления о мире, пространстве, человеке и времени, воплощенные в русском и, быть может, не только в русском языке. Язык по-разному представляет то, что было давно и уже забылось, и то, что было недавно и свежо в памяти, что далеко и что близко, что странно и что нормально, что превышает норму и что недотягивает до стандарта. Коммуникативная асимметрия пар *часто* и *редко*, *много* и *мало*, *давно* и *недавно*, *далеко* и *недалеко* поражает.

Единицы с одинаковым пропозициональным базисом, но различной субъективно-логической надстройкой могут объединяться в коррелятивные пары: *теперь* — *сейчас*, *наконец* — *под конец*, *редко* — *изредка*, *часто* — *зачастую* (*частенько*), *давно* — *давненько*, *давно* — *давным давно*, *всегда* — *завсегда*, *вчера* — *вчерась*, англ. *nowadays* — *now*, *latterly* — *at the end*, *seldom* — *rare* (*rarely*).

Явления, которые возмущают поведение единиц с фиксированной коммуникативной функцией и снимают некоторые запреты, сводятся к следующему: сопоставление, контраст, в частности да-нет значение, эллипсис, включение в состав других составляющих с известным коммуникативным статусом, в частности, в состав предложений, которые целиком служат ремой (или темой), синтаксическая сложность рематической составляющей, которая может соответствовать не одной синтаксической составляющей, а нескольким.

И наконец, на примере анализа текстовой роли наречий *сейчас* и *теперь* мы надеялись лишний раз показать, что рема предложения представляет собой абсолютную и независимую ценность, а роль темы — относительна. Тема связана с предтекстом, т. е. обращена в прошлое, и одновременно содержит в себе ожидание ремы, т. е. смотрит в будущее и несет ответственность за связь времен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование. М., 1988, с. 10–21.
2. Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
3. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Несколько замечаний о словах типа *несколько* // Язык: система и функционирование. М., 1988.

4. М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
5. С. В. Кодзасов. Интонация предложений с дискурсными словами. Группы: едва, действительно, вообще, совсем, прямо // Путеводитель по дискурсным словам русского языка. М., 1993.
6. А. Д. Кошелев. Наречие *сейчас* (ядро и прототипы) // Наст. сб., с. 241–252.
7. Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева. Значение и синтаксические свойства союза *а* // Научно-техническая информация. Сер. 2, 1974, № 9.
8. Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // Научно-техническая информация. Сер. 2, 1974, № 10.
9. И. Мельчук. Семантические этюды. I. 'Сейчас' и 'теперь' в русском языке // *Russian linguistics*, 1985, vol. 9, nos 2–3.
10. И. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл — Текст». Москва; Вена, 1995 (*Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 39*).
11. М. А. Кронгауз. Время как семантическая категория имени // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.
12. Е. В. Падучева. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.
13. Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
14. Е. В. Падучева. *Давно и долго* // Наст. сб., с. 253–266.
15. И. Б. Шатуновский. Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996.
16. Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
17. Т. Е. Янко. Еще раз о союзах *а* и *но* // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
18. Т. Е. Янко. Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научно-техническая информация. Сер. 2, 1991, № 7.
19. O. Ducrot. *French peu and un peu. A semantic study* // *Generative Grammar in Europe*. Dordrecht, 1973.